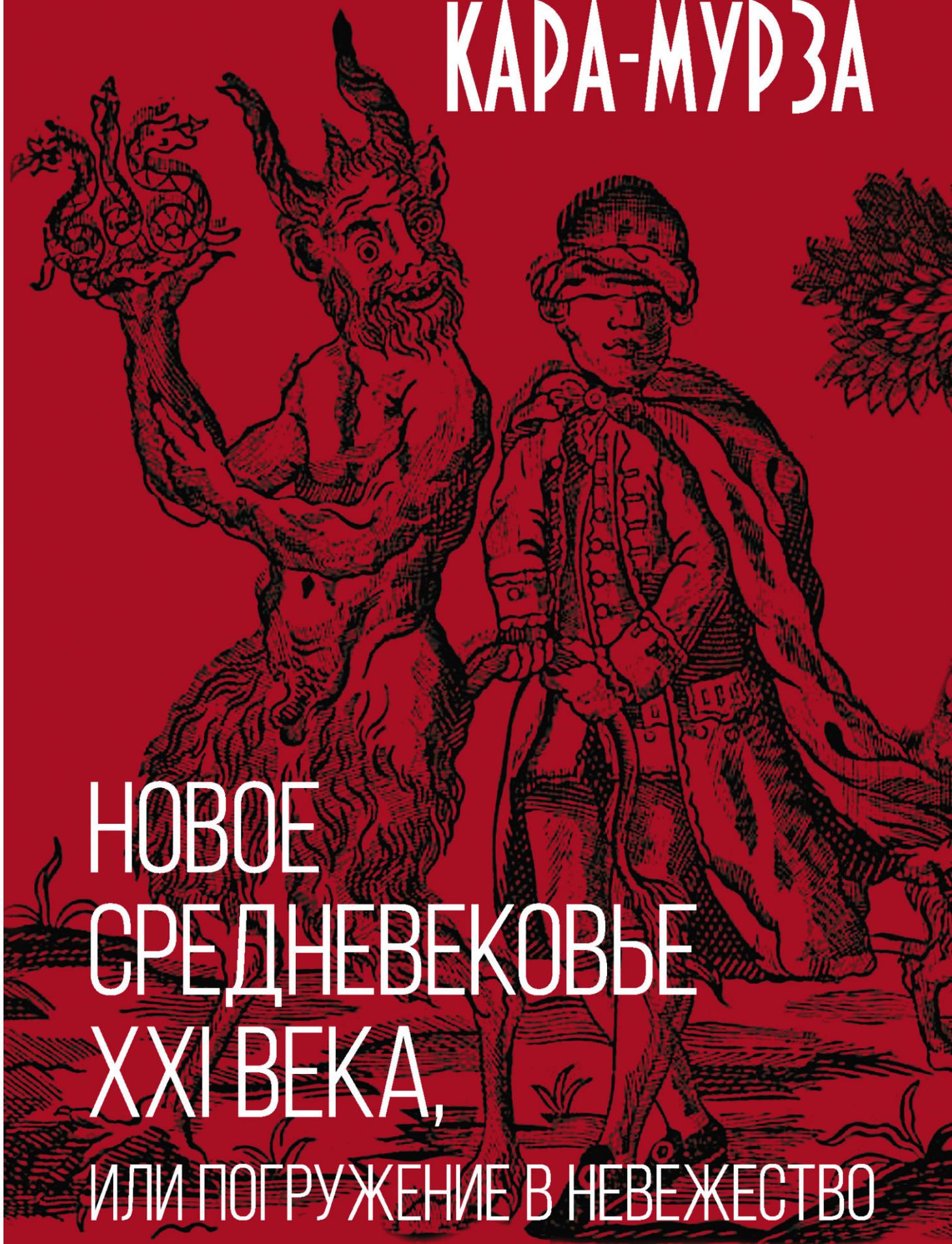

СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА

НОВОЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
XXI ВЕКА,

ИЛИ ПОГРУЖЕНИЕ В НЕВЕЖЕСТВО

Книга-эпоха

Сергей Кара-Мурза

**Новое средневековье XXI века,
или Погружение в невежество**

«Алисторус»

2021

УДК 327
ББК 66.4

Кара-Мурза С. Г.

Новое средневековье XXI века, или Погружение в невежество /
С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2021 — (Книга-эпоха)

ISBN 978-5-00180-291-4

О «новом средневековье» писал еще Николай Бердяев в двадцатые годы прошлого века, но в начале двадцать первого века это определение стало особенно актуальным. Его используют сейчас многие политологи, социологи, философы для обозначения современной эпохи. Сергей Георгиевич Кара-Мурза, выдающийся российский ученый, социолог и политолог, впервые провел полный и всесторонний анализ «нового средневековья» в своем фундаментальном исследовании, материалы для которого он собирал в течение тридцати лет. Здесь разбираются причины этого исторического явления, его характерные черты в политике, обществе, культуре, говорится о носителях и противниках новой средневековой идеологии. В книге приводится огромное количество фактического материала, основанного на сотнях различных источников. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-00180-291-4

© Кара-Мурза С. Г., 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

Введение	6
Кластеры невежества	12
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Кара-Мурза

Новое средневековье XXI века, или Погружение в невежество

© Кара-Мурза С. Г., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

Благодарю товарищей и коллег, читателей и работников издательства. Особо хочу поблагодарить моего друга Ивана Тугаринова – он сорок лет точно видит тему и приносит целый массив ценных источников.

Мои товарищи Денис Денисов и Александр Гражданкин помогли мне, указывая на мои непонятные суждения, – и мы думали. Да и они исправляли мои ошибки, орфографию и грамматику – спасибо. Эту трудную книгу без дружеской помощи я бы не написал.

Благодарю мою дочь Дарью Кара-Мурзу – она была мне экспертом для этой книги, предоставила мне свою библиотеку (и, думаю, про себя критиковала меня – это полезно).

И еще я благодарю критиков, они часто ругают меня (про себя), для моих текстов это полезно.

*Мы не знаем общества, в котором живем.
Ю. В. Андропов (1983 г.)¹*

Но не прискорбно ли видеть, что иностранец, почти враг, имеет о нас, – о том, что мы есть и чем можем быть, – такое точное понятие и такой ясный на нас взгляд, чего мы совершенно лишены... Скажу больше: в ненависти заключается не только больше понимания, но и больше симпатии...

Одна из наиболее прискорбных наклонностей, замечаемых у нас, – это наклонность подходить ко всем вопросам с их самой мелочной и гнусной стороны, потребность проникать в хоромы через задний двор. Это в тысячу раз хуже невежества. Ибо в простой здоровой натуре невежество простодушно и забавно, тогда как эта наклонность изобличает и всегда будет изобличать одну лишь злость.

Ф. И. Тютчев – П. А. Вяземскому (1844 г.)

---

¹ Это популярная, упрощенная фраза – смысл прикрытого откровения Ю. В. Андропова.

Введение

С середины XX века стали появляться признаки быстрой деградации защитных систем против *невежества*. Это объяснялось нарастанием кризиса *индустриализма* как общего фундамента цивилизаций независимо от формации (особенно в капитализме), изменениями картины мира (глобализация, постмодернизм в политике и экономике, культуре и войне и т. д.). В общем, изменяется картина мира, наступает туманный *постмодернизм*. На нас явление невежества понемногу надвигалось и в наших собственных формах и условиях. Они маскировали угрозы, которые порождали и развивали мировоззренческий кризис советского общества.

Начнем с общего и абстрактного образа явления *невежества*. С момента своего появления человек разумный совещается с другими людьми в своей семье и в роду. Человек – существо деятельное, он непрерывно действует в природе, строит новый мир, обдумывает новые формы и явления, изобретает инструменты и навыки. Все это он обрабатывает посредством языка, разума и воображения – с группой близких ему людей. В этом процессе в группе появляются оппоненты. Они иногда говорят: ты все это обдумал, а сделал неправильно! Возникает конфликт, и его развитие может пойти по разным векторам. Кого-то, скорее всего, назовут *невежда*. Так феномен *невежество* возникает только в обществе и в процессе непрерывного взаимодействия.

Чаще всего вердикт «невежда» получает человек или группа от других людей, которые раньше уже использовали проверенный способ (мысленно или на практике) и имеют какой-то «сертификат» от начальства или особого авторитета. В этих условиях изобретатели обычно ищут структуры своих инноваций тайком. Они воображают и соединяют элементы и эликсиры в пространстве счастья – «неявного знания» и созидания. Изобретатели при этом часто проявляют невежество и допускают много ошибок – это их сырье, и другие мастера копаются в нем и часто преобразуют его в ценный артефакт. Это от нашей темы отклонение, но надо учесть.

В этой книге не представлены ни *политики*, ни *манипуляции*, ни *инновации* – эта книга о людях, которые не знают и не понимают образы, картины, их смыслы и возможные последствия. Эти люди ошибаются, тратят силы, ресурсы и надежды, – это *состояния невежества*. Но всегда бывает несколько людей, которые постепенно понимают образы и смыслы – и помогают другим. Эти процессы действуют непрерывно, везде появляются разные «огоньки», и часто они исчезают.

Книга о невежестве, конечно, не представляет *всей картины синтеза* – невежества или успешного познания. Нам нужны «огоньки» и их структуры. Мы выбираем из синтеза понятные образы или слова и рассматриваем кусочек из этого «сгустка». Сейчас мы часто смотрим статьи и книги по-другому: раньше люди видели конфликты, распри, проклятия – но сейчас надо понять человека, который *пошел в невежество*, и *почему* это происходит. Мы будем еще обдумывать – *как мы не увидели*, что картина мира у нас *изменилась*, а инерция довела нас до распада, до катастрофы.

Процессы невежества развиваются в пространстве общества людей. Но эти процессы существуют во *времени*. Чтобы увидеть и понять эти процессы, надо представить их динамику («вчера было рано, послезавтра поздно»). Часто процесс кажется стабильным, но в реальности к данному процессу присоединяются или отходят от него разные процессы, с разными целями, разными силами и динамикой.

* * *

Представим короткую картину Российской революции. В 1880-е годы экономисты-народники развили концепцию *некапиталистического* («неподражательного») пути развития хозяйства России, но марксисты их «разгромили». Общинное крестьянство было исключено капиталистическими экономистами из политэкономии, но значение этой стороны (общинного крестьянства) было так велико, что без нее политэкономия превращалась в идеологию. Революция 1905 г. свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось ни в одном из ее течений. Тезис о том, что *революция была буржуазной*, не подтвердился практикой. Модернизация Столыпина была разрушительной и вела к бедноте большей части крестьянства. Община превратилась в *организатора сопротивления и борьбы*.

После 1908 г. Ленин уже по-иному представляет смысл спора марксистов с народниками. Произошел серьезный разрыв с западным марксизмом, сдвиг в сторону *неявной политэкономи*, первой фазы образования *Советов*. Почему Ленин стал спорить с умудренными марксистами и открыто отошел от буржуазной революции? Ведь с этого момента его главные фундаментальные установки шли вразрез с «всеобщими законами» исторического материализма. Ленин увидел и понял новую картину мира². Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу. Большевики сумели убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу, а остальные откалывались – Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты...

Вебер, изучая и сравнивая процессы развития в обществах, определил изменения форм и структур как *зародыши* появления новых общественных институтов. Он ввел в социологию важное понятие: *общество в состоянии становления*³.

В начале XX в., во время кризиса классической физики и изменения научной картины мира, возникла новая парадигма – «*постклассическая*». В науке стали различать два взгляда на природу: *науку бытия* – видение мира как совокупности стабильных процессов, и *науку становления*, когда преобладают нестабильность, переходы *порядок – хаос*, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового. Парадигму науки становления часто называют *нелинейной*. Сразу заметим: марксизм, в общем, исходил из принципов «*науки бытия*» (исторический процесс как этапы состояния равновесия), а Ленин освоил и ввел в партийную мысль принципы «*науки становления*» (исторические изменения как неравновесные кризисные состояния).

Из модели мира Ньютона как машины с ее «сдержками и противовесами» выводились новые концепции свобод, прав, разделения властей. «Переводом» этой модели на язык государства и экономики были, например, политэкономии А. Смита и Маркса. Механицизм – представление любой реальности как машины – обладал большой силой внушения⁴.

Процесс *размежевания групп* довел до революции 1905 г. – меньшевики (эсеры и др.) «стремились удержать ее *в том же состоянии их парадигм*» (истмат – *наука бытия*), а большевики «стремились к *изменению структуры системы*» (*наука становления*).

В те времена (начало XX в.) было очевидно: и меньшевики-марксисты, и легальные марксисты, и кадеты, и эсеры, и западные социал-демократы мыслили и проектировали карди-

---

² Официальное советское обществоведение не поднялось до того, чтобы это объяснить. Т. Шанин писал: «Плодотворная противоречивость творческого ума Ленина попросту отрицается».

³ Это аналогия понятия натурфилософии, обозначающего состояния вещества в момент его рождения – *in statu nascendi*.

⁴ В тот исторический момент сложились счастливые условия: культура России переживала подъем, особенно в главной массе населения – крестьян, рабочих и городского среднего класса, они еще не были атомизированы и вели интенсивные диалоги или коллективные рассуждения. Это поставило сильный заслон невежеству. Все это и позволило в ходе революции произвести мировоззренческий синтез *общинного крестьянского коммунизма* с идеалами *Просвещения*.

нально иначе, чем Ленин и его соратники. Они по-разному понимали пространство и время, следовали разным способам и нормам мышления и объяснения, – при разрешении внешне одной и той же проблемы они принимали *разные решения*. Поэтому проект Октябрьской революции был *совершенно иным*, чем у Февральской революции.

Так *исток* Российской революции распался. Сразу после Апрельских тезисов лидер эсеров Чернов назвал их воплощением «фантазий народников-максималистов». Г. В. Плеханов сказал: «Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами».

Кадеты и меньшевики (скрепя сердце) приветствовали Февральскую революцию как сверхпартийную. 3 июня 1917 г. на совещании П. Н. Милюков сказал: «Она есть революция национальная, революция всенародная, т. е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит перед собой задачи, которые должен осуществить весь народ, которые только весь народ и может осуществить». Он даже сказал – это «наша» революция.

Этот образ революции люди поняли как приближающуюся катастрофу – синтез взрывной смеси. А «февральские» власти, не поняв побочных процессов, сами *пошли в невежество*. Так, власти не успели понять картину мира России и что новые поколения крестьян потребовали *социальное равенство*, – а им устроили столыпинскую реформу⁵. Это было *невежество государства*. В ответ 21 апреля 1917 г. в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна – впервые после Февраля. Так писали: «дух гражданской войны повеял над городом».

Уникальность Февральской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться прототипы *двух моделей государственности* – буржуазная республика и советская власть одновременно, поначалу даже без взаимного насилия. Временное правительство и Советы находились на двух разных и *расходящихся* ветвях цивилизации. То есть их соединение было невозможным. Напор страстей в дни Февральской революции был краткосрочным (4 месяца), и эти страсти были праздничными. Пришвин записал в дневнике (5 июля 1917 г.), что либеральная революция потерпела крах, Россия пошла по какому-то совершенно иному пути: «Елецкий погром – это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла. Эта свистопляска с побоями – похороны революции».

Подавить *либеральную революцию* могли только «силы, развившиеся внутри самой революции» – синтез Советов с большевиками. И эта сила была именно «направлена к созданию новой жизни и против всякой реакции» (см. [662]). В результате большевики въехали в состояние *in statu nascendi* на спине либеральной революции, используя ее энергию.

Решающую роль в Гражданской войне сыграло поколение тех, кому в 1905 г. было от 15 до 25 лет, а в 1918 г. исполнилось от 28 до 38 лет. Т. Шанин пишет: «К этому времени многие уже успели отслужить в армии, стали главами дворов, т. е. вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905–1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и “власти”, а также их собственная отчужденность от “своих” помещиков и городских средних классов» [411, с. 301].

Таким образом, рассматривая обе революции как два «политических бунта», надо сравнить их *структуры*. Грубый анализ дает представление о стержнях проектов и образах системы. Мы уже упоминали, что главные тексты того времени показывают *общество, разделенное на группы* – одни стремятся к изменению структуры системы, а другие пытаются удер-

---

⁵ «Социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть *божественного порядка*... Во второй половине XIX века открытие социального неравенства и требование равенства было осмыслено как часть грандиозного духовного переворота того времени, положившего начало новой культурной эпохе» [117].

жать ее в том же состоянии. Так было с Февральской революцией – ее группы шли по старому вектору, и они *погружались в невежество*. А группы со стороны Октябрьской революции (крестьяне, рабочие, солдаты и интеллигенты) пошли по дорогам *становления*. Они *неявно* увидели и поняли необратимости, неравновесия и нелинейные процессы. Благодаря этим переходам «*порядок – хаос*» наши люди сразу в ином свете представили системы противоречий.

Подумайте, даже А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро наступать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской Табелью о рангах не поспевали за ними...» [424].

Теперь посмотрим движение групп в *разделенном обществе*.

Лидер «молодых» представителей либерально-буржуазного сообщества П. П. Рябушинский на совещании русской эмиграции в 1920 г. так объяснил причины их поражения: «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и их глубины, и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила» [619].

П. П. Рябушинский очень долго жил *в невежестве*, а тогда он увидел картину мира России и прозрел.

Но в начале распада Февральской революции многие быстро поняли, что России нужна новая система. Прочитайте то воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», с которым обратилась большая группа бывших генералов русской армии во главе с А. А. Брусиловым (бывший верховный главнокомандующий): «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать».

Вот судьба министров Февральской революции – все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Из них в результате репрессий погиб в 1938 г. один – министр земледелия С. Л. Маслов. До этого он был видным деятелем Центросоюза и преподавал в МГУ⁶. Военный министр генерал А. А. Маниковский во время Гражданской войны был начальником снабжения Красной армии. Морской министр Д. Р. Вердеревский уехал во Францию, а в 1945 г. явился в посольство СССР и принял советское гражданство. Министр путей сообщения А. В. Ливеровский стал в СССР видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Один из министров, С. Н. Третьяков, эмигрировал во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки (с 1929 г.) и в 1943 г. был казнен немцами [202, с. 262–264]⁷.

---

⁶ Из пятнадцати наркомов *первого советского правительства* в ходе репрессий погибло десять, а еще трое не успели попасть под репрессии, т. к. умерли раньше.

⁷ В книге «При свете дня» (М., 1992) В. Солоухин уверял, что «по личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян». Для убедительности этого нелепого утверждения он начинает счет прямо с ночи 25 октября 1917 г., когда якобы по приказу Ленина арестованных в Зимнем дворце министров Временного

Итак, мы увидели важные структуры двух революций и направление их движений. Фундаментальное столкновение двух революций изменило всех людей, их сознание и апокалиптику (образы будущего), повлекло за собой Гражданскую войну и катастрофу братоубийства, распад Российской империи и сборку СССР, интервенцию Запада, голод и эпидемии. На этом «двигателе» работал СССР *до 1960-х годов* и еще *тридцать лет* — по инерции, постепенно слабея. Картина нашего мира изменилась, и в таком состоянии *все мы* понемногу *вошли в невежество*.

Трудно сказать, как мы могли так легко смотреть на разрушительные процессы в нашем обществе и не поверили друзьям, которые сошли с наших дорог и ушли. А мы делали свою работу и думали, что все хорошо. Но в 1955 г. в ходе реформ (хрущевская «оттепель») уже новые поколения молодежи и интеллигенции постепенно сдвигались к другим путям. Шестидесятники были «дрожжами» и в период мировоззренческого кризиса советского общества (1960–1990) снабжали дезориентированных этим кризисом людей идеями, языком, песнями и анекдотами. В этой книге мы и рассматриваем близкие проблемы – порожденные *невежеством нашего общества*. Эти сферы очень динамичны, с разными образами и проектами, с разными конфликтами и манипуляциями и т. д.

Иногда некоторые группы и массы выходят из трясины. Но все мы видели, что нас постепенно затягивает *грозное невежество*.

Бывает, общество, отторгая анализ происходящего сдвига к хаосу, шаг за шагом утрачивает способность *знать само себя*. Знание и картина мира – это системы, которые поддаются коррозии, а под давлением разрушительных факторов могут деформироваться или распадаться. Сейчас мы не можем воздействовать на людей с их знанием об этом мире. И философы, поэты и прорицатели не знают и не могут.

Компактное описание процесса *невежества* быстро не сделать. Предложенное определение *знаний* хотя и держится на ядре *рационального познания*, но связанные с этим ядром оболочки являются весьма подвижными сущностями духовной сферы человека. Изымая из реальности какое-то явление и обрабатывая его инструментами рациональности (языком, мерой, логикой и т. д.), получаем образ этого явления, который оживляет воображение и память, рефлексию и предчувствие, эмоции и совесть, интуицию и озарение. Невежество деформирует или даже разрушает все эти инструменты, даже если рациональное ядро сохранилось. Все это мы с ужасом наблюдали в последние тридцать лет, хотя признаки бури мы должны были заметить раньше.

В 1970–1980-х гг. стало больше людей с необычным мессианским представлением об их роли как разрушителей «империи зла», и появилась часть интеллигенции, мировосприятие которой сопровождалось «взрывом коммунистической экзальтации»⁸.

Представьте, А. Д. Сахаров – великий ученый, признанный лидер нашей интеллигенции, трижды Герой Социалистического Труда – сошел в другую колею. Он в «холодной войне» встал на сторону Запада против СССР – категорически и открыто. А. Д. Сахаров, когда вернулся в Москву, пригласил меня с коллегой – поговорить. Он очень долго говорил, представляя небывалую для нас картину мира. Мы были в зазеркалье! Это были действительно «мессианские образы». В результате многие люди прошли через трагедии.

Наш народ на ощупь ищет пути из невежества. И всем нам надо понять, что произошло с интеллигенцией и элитой в ходе мировоззренческого кризиса общества и государства в 1980-х гг. Посвятив себя «втягиванию страны в зону абсолютного господства *золотого тельца*», эли-

---

правления «не мешкая ни часу, ни дня, посадили в баржу, а баржу потопили в Неве».

⁸ Директор Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) В. М. Воронков (сам поучаствовавший в «мягком» диссидентстве) писал о шестидесятниках: «Это поколение, ставшее поставщиком ресурсов для движения протеста, сыграло решающую роль в подготовке революционных изменений в обществе, которые произошли три десятилетия спустя» [73, с. 173].

тарная часть интеллигенции совершила радикальный разрыв с общностью, что привело к ее дезинтеграции – «трудовая интеллигенция» пока что в новую общность собраться не может. Такова реальность, но ее сдвинули не только элита и номенклатура – дезинтеграция прошла почти по всем общностям. Это главное, но это мы оставляем за скобками. Мы постараемся разобрать процесс *разрушительное невежество* как болезнь сознания и мышления с ее последствиями, побочными эффектами и осложнениями.

Эта гуча, многослойная и турбулентная, зацепила всех, сильнее или слабее, в одной точке или другой. Пусковым механизмом этого цепного процесса стала «культурная травма». Она – явление очень инерционное, которое может сохраняться и в следующем поколении и дает о себе знать, даже если положение внешне стабилизировалось. *Чтобы понять современную картину, надо найти корни.* Для этого полезно пройти по пути инерции к тому месту и тому времени, где зарождалось действие. Если развилась идея или проект и если создалась структура, уже трудно вести диалог среди товарищей.

* * *

Здесь надо объяснить, что эта книга – не инструмент для партийной борьбы, и написана она не для того, чтобы критиковать конкретных оппонентов или добиваться победы в споре. В этом надо было участвовать во время перестройки, а еще более радикально в 90-х годах. А сейчас уже изменилась картина мира, прошли три поколения молодежи, далеко разошлись наши братья-народы СССР. Мы утратили *советскую харизму*.

Теперь мы должны увидеть *реальные* картины, а для этого создать *широкие синтезы*. Нам долго говорили, что мы смотрим сгустки и «огоньки», и этого достаточно. А сейчас этого мало! Все системы закрываются многими *контекстами* (это «соединение, связь, сплетение, сцепление»). А значит, надо изучать эти контексты и увидеть *ядро* системы.

Но у нас за 30 лет накопилось много материала – и нашего, и зарубежного. Эта база дала нам понять то, что мы раньше не видели, – важные закрытые образы. И старые картины, и новые *соединяют*.

Дайджесты – это большое подспорье.

Кластеры невежества

Евразия – Россия – СССР—...

В социологии есть формула: «Основополагающее свойство объединения – это солидарность». Это соединение и создает то целое, которое «больше суммы частей». Очень часто вклады участников несоизмеримы между собой, они так различны, что выразить их в единой форме трудно или невозможно.

Н. С. Трубецкой писал в 1927 г.: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть гражданской только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством... В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общевразийским, т. е. евразийством... Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части, к величайшему несчастью и страданию всех ее частей» [702].

Россия не имела того огромного буферного механизма, при помощи которого Запад мог гасить возникающие неравновесия – колонии на первом этапе индустриальной цивилизации и «третий мир» сейчас. Будучи традиционным обществом, Россия и не могла относиться к вошедшим в нее народам как метрополия к колониям. Россия «наращивалась» на *полиэтническую матрицу*, возникшую с самого начала при соединении в Русь славянских, угро-финских и тюркских племен. В основе этой матрицы лежала идея *общей исторической судьбы* и метафора *семьи народов*. Поэтому Россия субсидировала окраины и была лишена важнейшего для Запада маневра путем *изъятия ресурсов из колоний* и «экспорта кризиса» в колонии⁹.

Главное, что в рамках *евроцентризма* лишь эта (постулированная истматом) смена формаций признается *правильной*. Но раз славяне и монголы не знали *рабства*, а в Китае не было *крепостного права* и государственной *религии*, Евразия была как кость в горле для Запада. Вот, например, Энгельс пишет в 1849 г.: «Европейская война, народная война, стучится в дверь... О немецких интересах, о немецкой свободе, немецком единстве, немецком благосостоянии не может быть и речи, когда вопрос стоит о свободе или угнетении, о счастье или несчастье всей Европы. Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует только один вопрос! Хотите ли вы быть *свободными* или хотите быть *под пятой России?*» [701].

Системы Евразии мы мало изучали научно, но неявное знание имели, а теперь мы дошли и до науки. Так, Леви-Стросс говорил, что много дали Западу потомки наших сибирских народов, предшественников якутов. Это редкий случай – непрерывающегося технологического развития в истории (вплоть до вторжения европейцев). Он писал: «За этот период [15–20 тыс. лет со времени перехода через Берингов пролив в Америку] эти люди продемонстрировали один из самых невысказанных случаев кумулятивной истории в мире: исследовав от северной до южной оконечности ресурсы новой природной среды, одомашнив и окультурилив целый ряд самых разнообразных видов животных и растений для своего питания, лекарств и ядов и даже

---

⁹ Как пишет А. Тойнби, «среди англоязычных протестантов до сих пор можно встретить “фундаменталистов”, продолжающих верить в то, что они избранные Господни в том, самом буквальном смысле, в каком это слово употребляется в Ветхом Завете» [349, с. 96].

– факт, который не наблюдался нигде больше, – превращая ядовитые вещества, как маниока, в основной продукт питания, а другие – в стимуляторы или средства анестезии; систематизируя яды и снотворные соединения в зависимости от видов животных, на которых они оказывают селективное действие, и, наконец, доведя некоторые технологии, как ткачество, керамика и обработка драгоценных металлов, до уровня совершенства.

Чтобы оценить этот колоссальный труд, достаточно определить вклад Америки в цивилизации Старого Света. Во-первых, картофель, каучук, табак и кокаин (основа современной анестезии), которые, хотя и в разных смыслах, составляют четыре опоры западной цивилизации; кукуруза и арахис, которые революционизировали африканскую экономику даже до того, как были широко включены в систему питания Европы; какао, ваниль, помидоры, ананас, красный перец, разные виды бобовых, овощей и хлопка.

Наконец, понятие нуля, основа арифметики и, косвенно, современной математики было известно и использовалось у майя как минимум за пятьсот лет до его открытия индийскими мудрецами, от которых Европа научилась ему через арабов. Поэтому, видимо, календарь той эпохи у майя был точнее, чем в Старом Свете. Чтобы определить, был ли политический режим инков социалистическим или тоталитарным, было исписано море чернил. В любом случае, этот режим выражался через самые современные формулы и на несколько веков опередил европейские феномены того же типа» [14, с. 317–318].

А с другой стороны, показал А. Дж. Тойнби: «Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость... Собака, верблюд и лошадь, функции которых куда более сложны, требуют не только приручения, но и обучения. Нужно сделать из них помощников человека. Это замечательное достижение номадизма помогло кочевникам не только выжить в степи, но и приспособиться некоторым из них к роли “пастырей” человека» [349, с. 184–185].

Можно сказать, что судьба России была счастливой: сочетание природных, культурных и психологических качеств населявших ее народов позволили возникнуть симбиозу укладов (охоты, земледелия и кочевого скотоводства) с интенсивным обменом продуктами, технологиями и культурными достижениями. Сегодня не просто стоит вопрос о разрушении этой системы – делается все возможное для натравливания одной части на другую.

Собирание исторической России было уникальным: каждая новая часть включалась в целое, не теряя своей особенности и самобытности. Каждый народ, входя в Россию, придавал этому целому какое-то свое качество. Система была сложная, но разнообразие – великая ценность и порождает свойства, незаменимые в трудные моменты. Так была освоена Евразия, а Россия стала большой цивилизацией.

Но в XIX в. быстро развивалась индустриализация, она стирала этнические различия, устраняла воздействие национальных хозяйственных укладов. Родились бурные идеологии, они служили инструментом не только для *консолидации общества*, но и для *размежевания групп*, разделенных противоречиями. Расколы заставляют вести гражданские и международные войны. Исследователь революций Ч. Джонсон писал: «Располагая достаточным количеством времени... идеология заставляет разбалансированное общество разделиться на группы – с одной стороны, союзников, стремящихся к изменению структуры системы, с другой – тех, кто стремится удержать ее в том же состоянии» (см. [661]).

Россия-Евразия прошла XIX век в бурях, а далее – *революции*. И они получили важнейшее испытание XX века, когда наш народ и территория были поставлены перед выбором: Февральская революция или Октябрьская¹⁰? Они имели разные *проекты* и два разных *цивилизационных пути*. Но и внутри проектов происходят *размежевания групп*.

---

¹⁰ Суханов в «Записках о революции» писал: «Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с

Февральская революция разгромила Российскую империю, армию, Евразию – и попросила устроить иностранную интервенцию и Гражданскую войну. Произошел *распад народов и классов*. На территории бывшей Российской империи шли гражданские войны и находились вооруженные силы 14 государств. Э. Карр пишет: «Повсюду на территории нерусских окраин проблема самоопределения безнадежно переплеталась с проблемами гражданской войны. ... Выбор делался не между зависимостью и независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира... В то время Ленин был так же не готов, как и любой другой большевик (или антибольшевик), рассматривать национальное самоопределение как абстрактный принцип или оценивать его вне контекста гражданской войны» [706].

М. М. Пришвин писал в дневнике 16 июля 1917 г.: «Черты лица революции никто не видел, потому что никто не может забежать ей вперед. Те, кто мчится вместе с нею, ничего не могут сказать о ней. А те, мимо кого она проносится, тоже не видят, пыль, мусор и всякий поднятый хлам заслоняют от него свет. И революция, конечно, существо получеловеческое, полужвериное. Те, кто не мчится вместе с ней, видят только огромный, оставляющий после себя нечистоты зад зверя».

Это неправда. Даже те, кто не мчался вместе с революцией, в большинстве своем видели не только нечистоты, оставляемые этим зверем. Ту запись Пришвин сделал в приступе пессимизма, видя, как иссякает импульс его любимой либеральной Февральской революции. Но в тяжелый момент после Октября, 14 декабря 1918 г. он написал так: «Анализировать каждую отдельную личность, и дела настоящего времени получаются дрянь, а в то же время чувствуешь, что под всем этим шевелится совесть народа».

Надо увидеть всю картину революции, как врач.

Вот революционная интеллигенция, воспитанная в партии социалистов-революционеров. Ю. Давыдов в предисловии к книге Б. Савинкова «Воспоминания террориста» пишет: «Он блокировался с направлениями любого оттенка, лишь бы антибольшевистское. Даже и с монархистами, полагая, что наши бурбоны чему-то научились. Савинков готов был признать любую диктатуру (включая, разумеется, собственную), кроме большевистской... Он бросался за помощью к англичанам, французам, белочехам и белополякам. Он командовал отрядами карателей, бандами подонков, наймитами, шпионами. Пути-дорожки “савинковцев” чадили пожарищами, дергались в судорогах казненных» [688, с. 15].

Б. Савинков – человек, университетски образованный, и к тому же писатель, ради чего он пролил море крови? Полный мрак...

Вот Первая конная армия (Исаак Бабель «Конармия»): «Я умылся с дороги и вышел на улицу. На столбах висели объявления о том, что военкомдив Виноградов прочтет вечером доклад о Втором конгрессе Коминтерна. Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его голову и спрятал ее у себя под мышкой. Еврей затаил и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись. Потом он стукнул в закрытую раму».

Сейчас все это вытащили к людям.

Кровавую вакханалию, культ жестокости воспевали Багрицкий и Бабель. За рубежом Р. Якобсон и В. Шкловский в модных ресторанах «тешатся байками» сотрудника ГПУ Осипа Брика о том, как пытаются и расстреливают русских священников («Для нас тогда чекисты были – святые люди», – вспоминает Лиля Брик в 60-е годы).

элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав всё будущее своей организации и своих принципов... Уходя со съезда, оставляя большевиков, ... мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина» [713].

А. Ваксберг (1998 г) пишет: «Осип любил рассказывать о кровавых пыточных ужасах, коим был свидетель. Иные слушали, другие предпочитали не вникать в столь живописные подробности. Каким же образом юрисконсульт не только знал об этих пытках, не только был их свидетелем, но вообще находился в том помещении, где экзекуторы занимались своим ремеслом? Ведь его контора – вряд ли это надо доказывать – должна была быть отделена от тех мрачных подвалов, где свирепствовали солдаты “железного Феликса”...»

Осип тешил друзей кровавыми байками из жизни ЧК, утверждая, что был лично свидетелем тому, о чем рассказывал. А рассказывал он о пытках, об иезуитстве мастеров сыска и следствия, о нечеловеческих муках бесчисленных жертв. “В этом учреждении, – говорил Осип, – человек теряет всякую сентиментальность”. Признавался, что и сам ее потерял» [715].

Но во время Гражданской войны для населения было важно, что большевики смогли установить в Красной армии более строгую дисциплину, чем в Белой армии. Дело тут было в массовой *солидарности* и в самих философских установках. В Красной армии существовала гибкая и разнообразная система воспитания солдат и действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения). Белая армия не имела для этого ни сил, ни идей, ни морального авторитета – дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать [716]¹¹.

В. В. Кожин приводит слова видного деятеля Белой армии, генерала Слащёва-Крымского, который писал, что по своим политическим убеждениям эта армия представляла из себя следующее: «Мешанина кадетствующих и октябрьствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... “Боже Царя храни” провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на “учредилку”, избранную по “четырёххвостке”, так что, по видимому, эсеровский элемент преобладал»¹².

Упомянутый выше Я. А. Слащёв, один из последних строевых генералов в Крыму (руководитель обороны Крыма), в 1921 г. по амнистии с казаками вернулся из Турции и стал преподавателем Военной академии РККА, а потом преподавателем тактики школы комсостава «Выстрел». В Красной армии оказались после 25 Октября и последние военные министры Временного правительства Верховский и Маниковский, были начальниками и специалистами высокого ранга.

А. Н. Куропаткин, военный министр в 1898–1904 гг., после Октябрьской революции (в возрасте 70 лет) на преподавательской работе – в сельской школе и заведовал волостной библиотекой. Не уехал ни на Дон, ни в Париж. А. Н. Крылов – председатель правления Путиловских заводов, проектировщик первых русских линкоров, академик, с 1919 г. начальник Морской академии Рабоче-крестьянского Красного Флота, лауреат Сталинской премии 1941 г. Генерал В. Ф. Джунковский – московский губернатор, потом командующий Отдельным корпусом жандармов, его пригласили к Дзержинскому и Менжинскому на консультацию об организации контрразведки. Он согласился и пять лет был негласным консультантом. Дочь Гучкова стала сотрудничать с советской разведкой – исключительно из идейных соображений (она была богатой дамой высшего света эмиграции).

Эти люди действовали не ради денег и не от страха.

Прочитайте воззвание А. А. Брусилова «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», что получилось: «Насколько это воззвание произвело на непримиримых страшное и подавляющее впечатление, – писал белогвардейский публицист Ю. Арбатов, – в такой же противоположной мере сильно это подействовало на колеблющиеся массы... В первый же день

---

¹¹ Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

¹² В российском обществе у некоторые сложилось мнение, что белые армии воевали за царя, а красные – за социализм. Надо отметить, что против такого мнения не возражали и большевики. Но данное мнение является ошибочным и совершенно не соответствует действительности того времени.

появления воззвания на улицах Москвы в военный комиссариат являлись тысячи офицеров, ранее от службы в Красной армии уклонившиеся, и десятки тысяч интеллигентов...» [800]. Откликнулись на это обращение и пленные офицеры.

К весне 1920 г. после разгрома Красной армией основных *белых* группировок (в Сибири, на Юге, Северо-Западе и Севера) были взяты в плен или добровольно перешли на сторону советской власти десятки тысяч офицеров. Вожди Белого движения так построили свою армию, что, по выражению В. В. Шульгина, пришлось «белой идее переползти через фронты гражданской войны и укрыться в стане красных»¹³.

Другая сторона: вот исторический факт, о котором теперь много пишут, но объяснения нет – почему? Начался чехословацкий мятеж. Ижевских коммунистов, максималистов и гарнизон Красной армии отправили на фронт. 7 августа 1918 г. началось подготовленное социалистами (эсерами) восстание под лозунгом «Власть Советам без большевиков!». Ижевцы заняли Воткинск, где их тоже поддержали местные рабочие.

Уступая рабочим, новые власти сохранили Совет рабочих депутатов, сохранили ставки оплаты труда, существовавшие при большевиках. Не были тронуты и декреты советской власти, касавшиеся условий работы, решения рабочего вопроса и социальных гарантий. Повстанческое руководство следовало уравнилельным тенденциям, характерным для всей русской революции 1917 года. Так, командные чины, солдаты и рабочие получали равное денежное довольствие.

Почему идея эсеров толкнула рабочих залить кровью Прикамье и уйти к Колчаку *под красным флагом* (!) – убивать и гибнуть? Для такого шага у них не было никакого религиозного озарения, ни классовой ненависти. Но разве они были *контрреволюционерами*?! Совершенно наоборот, рабочие этих заводов в какой-то момент стали *экзальтированными революционерами*.

Решающее сражение произошло 7 ноября 1918 г, когда Красной армией был взят Ижевск. После разгрома восстания ижевские и воткинские части (около 25 тыс.) вошли в состав армии Колчака и принимали участие в боевых действиях *вплоть до 1922 года*.

Силы Колчака контролировали огромную территорию Сибири и Дальнего Востока. Советская власть на этой территории была ликвидирована летом 1918 г., так что Советы не успели развернуться. Но возникло партизанское сопротивление армии Колчака – из разных групп крестьян (середники и бедняки) и рабочих создавались партизанские отряды.

К весне 1919 г. партизанское движение расширилось почти на всю территорию Сибири, а летом-осенью превратилось в повстанческую войну, так появились крупные соединения – *партизанские армии*, ветераны которых по окончании Гражданской войны не всегда подчинялись центральной власти. В результате проявился ещё один феномен – *красный бандитизм*. Читателям придется сделать усилие, чтобы разделить факты и нравственные оценки, которые дают нынешние авторы с высоты благосостояния и демократии XXI века.

Советская власть вела борьбу с отрядами *красных бандитов* иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы. В некоторых местностях эта опасность для советской власти даже считалась *главной*. Под суд шли, бывало, целые городские парторганизации, нарушившие общую политическую линию. Несколько месяцев шла чистка милиции, местных органов ЧК и РКП(б). Из партии были исключены более 8000 коммунистов, почти не было таких ЧК, из которых не изгонялись бы по нескольку членов за различные преступления и злоупотребления.

В «Исторической энциклопедии Сибири» объясняется состояние красного бандитизма в этот момент: «[Он] подпитывался антикоммунистическими заговорами, мятежами и пар-

---

¹³ Многие офицеры, «не становясь приверженцами советской власти, привыкли именно к своей части, и какое-то странное, непоследовательное чувство чести заставляло их драться на нашей стороне» [707].

тизанским движением, сопротивлением крестьян сбору *разверстки и продналога*. Пик красного бандитизма пришелся на лето-осень 1921: Красный бандитизм охватил почти все уезды Сибири. Особенно сильно поразил районы антикоммунистических восстаний и бывшего антиколчаковского партизанского движения...

Летом 1921 на Алтае [красный бандитизм] принял массовый характер из-за отмены *продовольственной разверстки* и внутриволостного перераспределения продовольственных излишков. Выражался в грабежах зажиточного населения и во внесудебных расправах как с реальными противниками коммунистического режима (заговорщики, повстанцы, партизаны), так и с политически пассивными слоями населения (крестьяне, сельская интеллигенция, специалисты) и даже отдельными представителями советской власти (сотрудники судебных органов). В 1921 г. стал одной из главных причин и факторов возникновения *белого бандитизма* [689].

После завершения военной кампании против сил Колчака (начало 1920 г.) бойцы «красных» партизанских отрядов считали своим долгом разгромить и задавить *носителей зла* («гадов»), а также отомстить им за погибших и замученных. Они знали своих врагов и свои местности, поэтому были уверены, что враги притаились и готовятся нанести удар. Почти наверняка, что в то время в докладах ВЧК, Сиббюро и даже в дискуссии на Пленуме ЦК РКП(б) не был учтён фактор *состояния психики* этой массы людей, получивших культурную травму. Их ценности были гипертрофированы, а их цели – мессианскими. Но этого в ВЧК и ЦК РКП(б) не знали, хотя и *чувствовали*. Однако наша нынешняя беда в том, что ценное знание этой проблемы наши гуманитарии игнорируют – *не знают и не чувствуют*.

Надо учесть состояние людей, представляя себе революцию. Речь шла о квалифицированных рабочих, приверженных идеалам справедливости (*стихийные социалисты*), зажиточных семьянинах, религиозных христианах. Рациональными предпосылками объяснить их сдвиг нельзя. Эта историческая проблема актуальна и сегодня, и огромный опыт «*обуздания взрыва*» в русской революции 1917 года может оказаться весьма полезным.

После Октябрьской революции были надежды на формирование политической системы на основе коалиции с близкими социалистическими партиями и на удержание посредством компромиссов правых партий в рамках «холодной войны», без крупных вооруженных столкновений. Не получилось – интервенция вовлекла все силы Февральской революции в Гражданскую войну. Эта война принесла огромную разруху, бедствие для всего населения и массовую гибель – от военных действий, «молекулярного» насилия и, главное, от эпидемий. Главным источником бедствия было резкое ослабление государства. Через год стало очевидно, что материальные, людские и духовные ресурсы Белых армий иссякают, а Красная армия и ее потенциал растут. После распада Российской империи в 1917 г. в ходе войны русская Красная армия нигде не воспринималась как армия *иностранная*.

Сложное положение дольше сохранялось на обширных территориях в Сибири, на Украине и на Юге – там, где шла партизанская война или действовали сложившиеся после Февраля армии националистов. Распад империи породил межнациональные конфликты, они ударили и по русским. Эффективную защиту населению обеспечила именно сборка СССР – и модель государства, и межнационального общежития, и в целом человеческие отношения, а также советская Красная армия. Белые, следуя доктрине «единой и неделимой», не могли ни обратиться за помощью к просоветским группам трудящихся, ни вести реальную войну с буржуазной властью возникших антироссийских «независимых» государств.

Завершение войны сочеталось со сложными изменениями: демобилизацией армии (5,5 млн человек), выходом из «военного коммунизма», введением НЭПа, реабилитацией массы людей, прошедших через жестокую войну с соотечественниками – непосредственно или косвенно. Если представить объем и сложность работы проектирования и реализации всех этих

задач, надо признать, что Советское государство, партия большевиков с их «попутчиками» и само советское общество проделали огромный и новаторский труд.

Белая армия действовала в России как армия завоевателей, и ее продвижение сопровождалось восстаниями (по словам историка белых А. Зайцева, издавшего в Париже большую книгу, вслед за белыми шла «волна восставших низов»). По выражению западных историков, в России тогда возникло «межклассовое единство низов», которые отвергли проект белых. Отвергли в целом, а не по мелочам и не из-за жестокостей и казней. Причина победы красных была в том, что белым становилось все труднее и труднее пополнять армию, и в 1920 г. число новобранцев в Белую и Красную армии находилось в отношении 1:5. Иными словами, красным крестьяне сопротивлялись намного слабее, чем белым. Под конец все силы у белых уходили на борьбу за самообеспечение – и война закончилась.

Говорили, что в России, а затем в СССР не было ничего общего между армянами, азербайджанцами и русскими, и их совместное проживание было не более чем паноптикумом. Но вот факты. В России проживали в начале XX века 1,5 млн армян, они и их потомки благополучно дожили до перестройки, создав сильное, вполне современное общество. В Турции жили 2,5 млн армян – они почти все были уничтожены и изгнаны или ассимилированы. Сегодня там их 100 тысяч, и они настолько утратили национальное самосознание, что многие даже отрицали геноцид 1915 года. Совершенно ясно, что лишь «имперское» устройство России и СССР, именно присутствие русского народа как неявного арбитра («старшего брата») позволяло поддерживать равновесие между соседями на Кавказе – при всех неизбежных в столь сложной системе трениях.

В 1927 г. Комитет евразийцев в СССР объявил: «Кто такие евразийцы? Чего они добиваются? Евразийцы – это те, которым раскрылась Россия как особый культурно-исторический мир, это те, для которых Россия не просто государство, а шестая часть света, не Европа и не Азия, а срединный особый континент – Евразия со своей самостоятельной культурой и исторической судьбой. Всякое копирование западных форм жизни для России-Евразии противостоит естественно. Оно влекло за собой и будет влечь ряд потрясений...»

Исходя из своеобразия евразийской культуры, евразийство и установило принципы своей социально-политической и экономической программы. Наилучшей государственной формой признается советский строй, освобожденный от коммунистической диктатуры. Советская система в ее действительном виде будет наилучшим образом обеспечивать народность власти, ее силу и выдвижение нужных людей. Сохраняется федеративное начало союза. СССР – братский союз народов, населяющих Евразию. Принципом его является наднациональный строй на национальной основе».

Географ П. Савицкий объясняет: «Своеобразная, предельно четкая и в то же время простая географическая структура России-Евразии связывается с рядом важнейших геополитических обстоятельств. Природа евразийского мира минимально благоприятна для разного рода “сепаратизмов” – будь то политических, культурных или экономических... Этнические и культурные элементы пребывали [здесь] в интенсивном взаимодействии, скрещивании и перемешивании. В Европе и Азии временами бывало возможно жить только интересами своей колокольни. В Евразии это если и удастся, то в историческом смысле на чрезвычайно короткий срок... Недаром над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов... Здесь легко просыпается “воля к общему делу”» [822].

Скажем больше: именно евразийский характер СССР делал каждую его часть «ни Европой, ни Азией», но синтезировал, соединял их культурные генотипы. А теперь в перестройке, может, охваченные «демократическим» угаром студенты или советники правителей в 1991 г., и не предполагали, что означает в реальности «слом евразийства».

Вспомните, что Средняя Азия – сложный этнический мир, сильное влияние клановых и родовых отношений всегда приводило к столкновениям и даже локальным войнам. Это прекратилось, когда среднеазиатские народы перешли «под руку» русского царя. Враждующие роды разъединялись русскими крепостями и гарнизонами, спорные участки отбирались в казну, слишком непримиримым князьям не продавали муку и т. д.

В этнический реактор были введены «охлаждающие стержни». Был выработан совместными усилиями изошренный механизм гашения конфликтов. В СССР это дополнилось посредничеством обкомов, премиями и орденами. Что произошло, когда все эти «стержни» были внезапно выдернуты, а армейские гарнизоны стали, соблюдая нейтралитет и суверенитет, безучастно взирая на уничтожение детей и стариков? Целые области оказались выброшенными из цивилизации и поставлены на грань уничтожения.

В 1992 г. Государственный комитет по национальным отношениям России представил в Верховный Совет РСФСР проект Концепции национальной политики. Председателем Комитета был директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков, лидер той части российских специалистов в области этнологии, которая работала в русле конструктивизма. Он же был и руководителем разработки проекта Концепции.

Палата национальностей Верховного Совета РСФСР (в лице ее председателя Р. Г. Абдулатипова) поручила Аналитическому центру РАН по научной и промышленной политике провести экспертизу проекта Концепции. Эту работу мы и проделали, дав в общем отрицательное заключение. На наш взгляд, смысл Концепции сводился к тому, чтобы произвести в Российской Федерации радикальный демонтаж реально сложившегося способа межнационального общежития и перейти к модели, которая была выработана в Западной Европе в XIX в. В ситуации кризиса начала 90-х годов этот проект представлялся не просто *утопией*, его разрушительные последствия было трудно предсказать.

Палата национальностей этот проект Концепции отвергла. Экспертное заключение нашего Аналитического центра представляет собой объемистый документ, но на его основе тогда была написана журнальная статья.

Авторы Концепции избегали анализа национального устройства СССР, а без понимания того, что разрушается, невозможно избежать катастрофы, это все равно что разрушать бомбу ударами молотка. Ругань не только не заменяет анализа, но и обостряет противостояние, ибо всем очевидно, что в СССР народы *жили*, а в результате разрушения союза начали *переживать бедствие*, а иногда и *воевать*.

Отказываясь признать этот факт и извлечь из него урок, политики делают себя заложниками развитого в ходе перестройки цепного процесса распада и конфликтов, который Россия вполне могла бы остановить. Из сугубо конъюнктурных (и уже устаревших) соображений документ одобряет выбор революционного разрушения вместо эволюционного реформирования государства.

В документе говорится: «Национальные движения сыграли позитивную роль в разрушении тоталитарных структур и в демократических преобразованиях». То есть никакого стремления хоть в будущем дистанцироваться от разрушительных сил и перейти к *собираанию* Концепция не обнаруживает. Внутренне противоречивые призывы «найти формулу демократии на языке культурной традиции» абсолютно фальшивы, ибо разрушение СССР с использованием радикальных националистических движений означало полный разрыв с культурной традицией.

И весь текст документа показывает, что никакого «наведения мостов» и восстановления традиций не предполагается. Это видно хотя бы из того, что в качестве механизма предотвращения конфликтов предлагается *гласность* и использование «*журналистского корпуса*» именно тех механизмов и субъектов, которые сознательно использовали межэтнические конфликты как средство борьбы с «советским тоталитаризмом».

Сегодня этот проект разрушения евразийской целостности переносится в Российскую Федерацию. Реанимируется идея А. Д. Сахарова о «Евразийской конфедерации независимых государств», числом 40 или 50 (слово «евразийская» – здесь такой же камуфляж, как «демократия» или «правовое государство» в перестроечном новоязе).

Академик А. Д. Сахаров накануне распада СССР предложил Проект «Конституции Союза Советских республик Европы и Азии»:

«Конституция Союза гарантирует гражданские права человека, свободу убеждений, свободу слова и информационного обмена, свободу религии, свободу ассоциаций, митингов и демонстраций, свободу эмиграции и возвращения в свою страну, свободу поездок за рубеж, свободу передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны, неприкосновенность жилища, свободу от произвольного ареста и необоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации. Никто не может быть подвергнут уголовному наказанию за действия, связанные с убеждениями, если в них нет насилия, призывов к насилию, иного ущемления прав других людей или государственной измены...

В основе политической, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимости...

Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района: Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность...»

С 60-х годов, в условиях спокойной и все более зажиточной жизни, в умах заметной части горожан начался отход от жесткой идеи коммунизма в сторону социал-демократии. Это явно наблюдалось в среде интеллигенции и управленцев, понемногу захватывая и квалифицированных рабочих. Для перерождения были объективные причины. Главные из них – глубокая модернизация России, переход к городскому образу жизни и быта, к новым способам общения, европейское образование, раскрытие Западу. Общинная, Советская Россия могла бы это пережить, переболеть. Не вышло – ее попытались убить, но только искалечили.

Идеологическая машина КПСС не позволила людям увидеть этот сдвиг и поразмыслить, к чему он ведет.

Вот актуальная проблема!

Личный сюжет: синтезы и распады Евразии

В одной книге сказано: «Гражданская война в Туркестане была очень тяжелой. Туркестан был отрезан от всего мира и никаких директив от РСФСР получить не мог... Недалеко – граница. Персия, Афганистан. Там орудовала Англия, которая помогала всякому борьбе с нами... На протяжении 1917–1918–1919 годов в Туркестане произошел ряд белогвардейских восстаний» (книга «Война в песках»).

На помощь! (фрагмент)

В ночь на 5 марта 1918 года пришла телеграмма от тов. Колесова. Телеграмма была немногословна и убедительна. Он извещал, что отряды Красной гвардии окружены войсками эмира, и просил немедленной помощи. Содержание телеграммы в ту же ночь стало известно; рабочие железнодорожных мастерских, бросив работу, оживленно обсуждали на митингах тревожную весть и выносили решения немедленно идти на выручку.

Меня пригласили в Белый дом на экстренное заседание Совнаркома...

Председательствующий сказал мне:

– Мы только что обсудили телеграмму и вынесли решение. Вы, товарищ Домогацкий, назначаетесь командующим Бухарским фронтом, а на вас, товарищ Гудович, Совнарком возлагает обязанности начальника штаба фронта...

Гонцы и курьеры полетели по городу, созывая командиров красногвардейских отрядов. Через час новый штаб уже был в сборе и разрабатывал план действий.

Мобилизованы были: 1-й Ташкентский отряд, саперный отряд и артиллерия. Однако самый тщательный подсчет отрядов давал цифру не более двух тысяч бойцов. Выступить против многотысячной армии эмира было рискованно. Было решено немедленно приступить к формированию новых частей. Наполнивший просторы Белого дома шум голосов и топот ног нарушили нашу работу.

Рабочие, еще не зная о решении Совнаркома, на многотысячных митингах требовали немедленного выступления в помощь тов. Колесову, направляя своих представителей в Совнарком.

Рабочие деятельно помогали штабу, выделяя из своих рядов командиров, сами формируя отряды. К 5 часам вечера в нашем распоряжении была солидная сила.

Солнце еще не взошло, когда отряды под торжественные звуки «Интернационала», напутствуемые пожеланиями тысяч провожающих, отправились на фронт.

В Катта-Кургане мы сделали первую остановку. Дальше начиналась территория Бухары. Конная разведка, высланная вперед, сообщила, что весь путь до Зера-Булака, крупного пункта Бухары, разрушен.

Железнодорожные постройки, станции, будки – все было сожжено и изуродовано. Спленные телеграфные столбы повисли на проводах. Кучи обугленных шпал. Изуродованные трупы рабочих и служащих железной дороги, иссеченные ножами и шашками, валялись вдоль пути.

Вырезанные языки, обрезанные уши и носы, выколотые глаза. На телеграфных столбах раскачивались тела замученных людей. Тучи птиц вились над ними, лениво отлетая при нашем приближении...

– Палачи проклятые! – вырывалось у красногвардейцев.

Медленно восстанавливая путь, двигались мы вперед.

Под Зера-Булаком наша разведка налетела на конницу белобухарцев. Встреча была неожиданная для обеих сторон, и только этой неожиданностью очевидно можно было объяснить, что маленькой кучке кавалеристов удалось обратить в бегство вдвое сильнейший отряд белобухарцев.

После этой схватки противник уже не оставлял нас в покое. На горизонте то и дело появлялись конные отряды. Пользуясь малейшей задержкой наших эшелонов, бухарская конница стремительно налетала на красногвардейцев, занятых починкой пути, и так же стремительно скрывалась в степи, когда мы открывали по ним огонь из пулеметов. С каждым часом силы белобухарцев увеличивались. Увеличивались и зверства, творимые ими над мирным населением, подозреваемым в симпатиях к нам.

Особенно тяжело доставалось евреям. Кулачество и духовенство, всеми силами разжигая фанатизм бухарцев, натравливали население на евреев, выставя их нашими сообщниками. В Зиатдине толпа этих несчастных, вынужденных покинуть насиженные места, окружила штабной вагон, со слезами прося у нас помощи и защиты. Истерзанные матери протягивали нам детей, лишившихся отцов; девушки с рыданиями рассказывали о насилиях, творимых над ними бандитами.

– У меня на глазах зарезали моего брата, пытавшегося вступить за меня... меня изуродовали...

– Мой отец, мой бедный отец! Как он кричал, когда солдаты издевались надо мной... а потом его живым бросили в огонь... как он мучился! Ой!.. Ой!.. Ой!..

Молодая еврейка с безумными глазами прижимала к груди сверток, из которого высунулись уже окостеневшие ручки ребенка.

Красногвардейцы мрачно наблюдали это горе и отчаяние.

Пока бойцы размещали по вагонам беженцев, саперный отряд ушел вперед починять разрушенную дорогу. К станции подтянулись все наши эшелоны, двигавшаяся в хвосте артиллерия и отряд самаркандских рабочих, выступивший вслед за нами.

Внезапно вдали послышались тревожные гудки паровоза. Донеслась перестрелка. Очевидно, с саперным отрядом что-то случилось. Вскоре выстрелы умолкли. Непрерывные гудки указывали, что опасность велика.

Бойцы схватили винтовки.

Минут через десять на станцию быстро вошел нагруженный шпалами и рельсами поезд...

Отряд белобухарцев в несколько тысяч человек наступал на станцию. Двумя колоннами мы двинулись навстречу неприятелю. Бой длился до вечера.

Прекрасно вооруженные английскими винтовками эмирские войска дрались упорно, несколько раз пытаясь перейти в атаку. Их упорство столкнулось с ожесточенным сопротивлением красногвардейцев.

Несколько раз бухарская конница пыталась обойти нас с флангов, но каждый раз вынуждена была отступить под ударами кавалерийского отряда тов. Зелендинова.

К вечеру следующего дня мы добрались до станции Кермине. Местные жители, встретившие нас, сообщили, что в крепости, охранявшей город Кермине, в пяти километрах от станции сосредоточено большое количество эмирских войск. Туда же отступили вчерашние отряды противника.

Пятеро красногвардейцев, владевших узбекским языком, переодевшись в халаты, под покровом ночи пустились в разведку. Вернувшись, они рассказали:

– В крепости родной дядя эмира бек керминский. В его распоряжении больше пяти тысяч войск. Бек собирается на рассвете напасть на нас, чтобы сонными захватить и всех перерезать.

Быстро составили план действий. Командиры будили уснувших бойцов и строили походные колонны. Молча, бесшумно двинулись отряды к крепости, спеша до рассвета окружить ее и не дать белобухарцам инициативу в руки. Изредка звякнет штык о штык, выругается вполголоса споткнувшийся боец...

Все ближе и ближе наступают красные бойцы. Уже ясно видны халаты бухарских сарбазов и белые чалмы мулл, воодушевлявших солдат. Кое-где начинается рукопашная схватка. Не выдержали солдаты бека. Сначала по одному, а затем целыми группами они поспешно скрывались за глиняными дувалами городских построек и по темным кривым улочкам города отступали к крутому берегу Зеравшана. Крепость была в наших руках.

Оставив в крепости гарнизон, мы повернули обратно, спеша на станцию к оставленным эшелонам...

В окна вагона вползал рассвет. Склонившись над картой, мы изучали обстановку. Тревожный гомон. Шум голосов за окнами вагона оторвал нас от карты. По коридору громыхали быстрые шаги. Адъютант, влетев в купе, взволнованно доложил:

– Дозоры задержали кого-то. Говорят, из крепости.

Не дожидаясь, мы бежим из вагона навстречу приближающейся толпе. Дехканин-узбек в рваном халате, беспрерывно кланяясь, ломаным русским языком пытается что-то сказать.

– Эмир... сарбаза... много, много сарбаз, русский офицер. ... красный аскер секим...

– Да говори ты по-своему!

Узбек, обрадованно мотнув головой, быстро говорит на родном языке... Для большей ясности он проводит рукой по горлу. Этот жест лучше всяких слов объясняет все собравшимся красногвардейцам.

Красногвардейцы выскакивают из вагонов, строятся в походные колонны. Артиллерия уже начала обстрел укреплений. Метким выстрелом удалось пробить вышку минарета мечети, лишив неприятеля возможности наблюдать за нашим продвижением.

Бой был жестокий.

К полудню нашей батарее удалось сбить два орудия противника. Посланная в обход бело-бухарцам наша конница, прорвавшись в их тыл, подожгла мост через Зеравшан, отрезав врагу путь к отступлению.

Только небольшая часть противника успела перейти на другую сторону: мост, не выдержав тяжести, обрушился в мутные воды Зеравшана. Кладбище было в наших руках. Через некоторое время крепость сдалась.

Большой дворец, разукрашенный майоликом, с красивыми открытыми террасами, резко выделялся среди окружавших его серо-желтых домов простых смертных. Широкая мраморная лестница вела на террасу, где в окружении своих приближенных стоял бек. Каменными изваяниями стояли сановники бека. Сквозь шпалеры разодетой в блестящие парчевые и шитые золотом бархатные халаты бекской челяди наш штаб прошел к лестнице и поднялся на верхнюю площадку.

– Я и мои войска и население, – сказал нам бек, – сдаемся на милость победителям. Мы знаем, что советская власть очень милостива к народу...

При этих словах в рядах красногвардейцев началось движение, и чей-то голос негромко, но четко сказал:

– Советская-то власть милостива, а вы что сделали с нашими товарищами?

Каменные изваяния на ступеньках лестницы чуть дрогнули, и бек, на мгновение замаявшись, продолжал уже менее торжественным тоном:

– Я имею к вам две просьбы... Здесь во дворце собраны женщины и дети. Оградите их от насилий.

Чувствуется, что безопасность его жен в настоящий момент его больше всего волнует. Высказав свое главное желание, он уже спокойнее заканчивает:

– Всем моим приближенным, советникам и войскам прошу даровать жизнь. С этого момента мы перестаем быть вашими врагами.

Пленников заперли в одну из комнат. Выделили отряд коммунистов для охраны женщин, находившихся в одной из комнат дворца. Они испуганно шарахнулись в угол при нашем появлении. Велико было их изумление, когда они поняли, что страшные «красные аскеры» совсем не собираются причинить им вред.

В одной из комнат дворца обнаружили шесть русских казаков во главе с подъесаулом, которые при нашем приближении, побросав оружие, подняли руки. На женской половине дворца, на постели одной из жен бека, лежал еще не остывший труп русского подполковника Ванновского, сына известного генерала, бывшего военного министра. Он застрелился.

Я стоял на террасе. Внезапно кто-то тихо дотронулся до моей руки, я увидел старика-узбека, очевидно одного из слуг бека. Старик, оглядываясь по сторонам, знаками просил следовать за собой.

Я пошел. Какими-то полутемными переходами мы спустились в погреб. Отгороженные толстой железной решеткой, лежали люди, вернее, призраки людей... Слабый свет, пробивавшийся сквозь маленькое отверстие, не позволял различить их лиц.

При нашем появлении пленники зашевелились и, видимо приняв нас за кого-то, боязливо отползли в дальний угол ямы.

– Это ваш сарбаз. Скажи, чтобы сломали замок, – сказал мой проводник.

Я позвал красногвардейцев. Пленников было 22 человека. Все они – красногвардейцы, захваченные в плен при отступлении отрядов тов. Колесова из-под Старой Бухары. Окольными путями их доставили в керминскую крепость. Несмотря на то что многие из них были ранены,

никакой помощи им оказано не было. В течение двух недель им не давали даже хлеба. Ежедневно в подземелье спускались и мучили несчастных. Среди мучителей-палачей выделялся подполковник Ванновский, застрелившийся после сдачи крепости. Двое из пленников сошли с ума.

Во дворе крепости красногвардейцы обнаружили еще одну тюрьму.

Глубокая сырая яма, обложенная кирпичом, не имела ни выхода, ни входа. Сверху люк, через который спускались осужденные. Прикованные цепями к кольцам, вделанным в стены, они заживо гнили. Смердом пахнуло, когда открыли люк.

На грязном, загаженном полу ямы вмялось человек десять арестантов-узбеков. Некоторые из узников находились здесь по многу лет. Освобожденные от цепей, они не хотели покидать ямы без разрешения бека. Пришлось насильно вытаскивать их.

Поздно ночью бек со своей свитой был отправлен на станцию Кермине...

Подвинувшись на другой день на несколько верст от Кермине, наши головные отряды встретили паровоз с вагоном тов. Морозова, одного из начальников отряда тов. Колесова. Трудно передать ту радость и волнение, которые охватили всех нас, когда красногвардейцы увидели друг друга:

– Мы считали себя обреченными на смерть, – сказал командир поезда Морозов.

Собравшись у тов. Морозова, мы подробно ознакомились с положением отряда тов. Колесова. Его артиллерия не имеет снарядов, патроны на исходе. Отряду не хватает продуктов, потому что вместе с ним движется несколько тысяч беженцев, спешно эвакуировавшихся. Беженцы чрезвычайно задерживают продвижение отряда. Увлеченные распросами, мы не замечали, как проходило время.

Громовое «ура» потрясло воздух и заставило нас выскочить из вагона. Вдоль железной дороги приближалась масса вооруженных людей. Это подходили головные отряды тов. Колесова...

Тов. Колесов совсем болен. Он не стал даже отвечать на вопросы и сказал:

– Ребята, со мной не разговаривайте, дайте мне уснуть...

Свалился и уснул.

Часа в три ночи дозорные привели в штаб шестерых бухарцев – делегацию от эмира. Наши предположения оправдались. Встревоженный взятием Кермине, пленением своего дяди, а также соединением наших отрядов, представлявших сейчас внушительную силу, эмир постарался предупредить события и послал делегацию для переговоров о мире.

Глава делегации, седобородый сановник, торжественно заявил:

– Эмир, да хранит его Аллах, очень просит освободить его дядю – бека Кермине. Эмир пойдет на все уступки, если вы это сделаете.

На экстренном заседании нашего штаба были выработаны основные требования, обеспечивающие мирную жизнь и работу советского Туркестана и жителей Бухары. Наши условия в основном сводились к четырем требованиям:

1. Немедленное разоружение и роспуск армии, сформированной эмиром.

2. Возмещение убытков, понесенных железной дорогой, и восстановление разрушенных участков.

3. Соблюдение эмиром полнейшего нейтралитета во внешней политике по отношению к советской власти и обеспечение мирной жизни советских граждан в Бухаре.

И последнее условие – удаление из пределов Бухары всех белогвардейцев...

Пленный бек, приглашенный на заседание, полностью согласился с текстом договора. В тот же день штаб отправил меня в Ташкент для утверждения договора правительством советского Туркестана.

Договор был утвержден без всяких изменений.

Многотысячная толпа встретила меня в Кермине. Высоко подняв над головой лист мирного договора, я во всю силу легких крикнул:

– Мир!..

Могучее «ура» громом раскатилось по степи.

Гудович А. На помощь // Война в песках [717].

* * *

В деревне я строил дом (1993 г.), мой сосед поставил на меже вагончик, в нем завелись люди – бригада строителей. Все они съехались издалека, по зову своего атамана Саши (таджик) – из-под Винницы, из Мордовии и Таджикистана. Меня звали «дядя Сережа», а Коля-таджик звал меня «дядя». Приехал он из-под Курган-Тюбе, из самого пекла, с выбитым глазом и поврежденным лицом. Трясся от холода, и я дал ему шинель и мою телогрейку. А ведь он в своем городе принадлежал к элите – «скорой помощи». Теперь он превратился в какое-то двойное существо. Однажды он собрался в город – звонить домой. Надел костюм, галстук. Вышел из вагончика другой человек, его было не узнать – интеллигентный, элегантный, уверенный в себе.

В Коле жила глубокая, животная тоска по советскому строю. Я встречал ее и в других таджиках из «горячих» мест. Стоило ему выпить, он вступал в любой разговор и без всякой с ним связи сообщал:

– А у нас старики говорят, что через семь лет Советский Союз восстановится.

Его сознание сузилось на одной мысли – прокормить пятерых детей, которых он оставил дома. На «скорой помощи» он получал зарплату 16 нынешних рублей – на пять буханок хлеба в месяц. Вот и пришлось ему найти и попроситься в бригаду. Но это было не фундаментальное решение вопроса. Когда стало подмораживать, Коля совсем загрустил и пришел ко мне.

– Как жить, дядя? – слезы ручьем из пустой глазницы.

– О чем же вы думали, когда русских гнали и советскую власть свергали?

– Да разве это мы? Это же все из Москвы шло.

– Теперь терпеть надо, быстро не выправить...

Сорвались у меня с языка злые слова. Но ведь мы сами уничтожили благополучие и справедливость нашей жизни. Конечно, жалко наших людей, по мере сил надо поделиться телогрейкой и капустой. Но обманывать не хочется...

По данным социологов, в 1992 г. «подавляющая часть опрошенных рабочих, колхозников, сельской и технической интеллигенции не разделяла идей суверенизации страны, 77 % опрошенных выразили сожаление о распаде СССР, даже высказались против независимости Таджикистана... Иные настроения овладели политической и хозяйственной элитой, она решительно высказалась за независимость Таджикистана» [704].

Я, как советский ребенок, увидел Евразию (и читал про неё)

В моем детстве, два последние года войны, я жил у деда в деревне. Он был казак из Семиречья из станицы Лепсинской. Казаком он был бедным, работал много – семеро детей. Изба полна детей, тут же и теленок. Под старость перебрался ближе к Москве. Он рассказывал мне о своей жизни, образе жизни и хозяйства, с которым постоянно соотносили себя казаки.

Когда в 1867 году было учреждено Семиреченское казачье войско и туда переселили с Алтая часть сибирских (бийских) казаков, эта небольшая общность русских казаков переживала быстрый процесс этногенеза – в новой природной и этнической среде. Прошло всего 30 лет, и семиреченские казаки приобрели новые специфические культурные черты, приспособленные к активной и полноценной жизни в новой среде. Например, он постоянно поминал

киргизов. Как зима, приезжают знакомые киргизы: «Василий, возьми мальчишку в работники на зиму, а то помрет». Значит, прокорми всю зиму. Так что, кроме своих семерых, два-три киргизенка. Да еще жеребенок бегаёт за ними, как собака, прыгает на кровать, пытается залезть на печку. Приходили и китайцы.

Но после 1920-х и 1930-х гг. во многих местах раскулачивание вели сами кулаки, занявшие важные позиции в местной власти. Коллективизация означала временное создание на селе обстановки революционного хаоса. В эти моменты возникала «молекулярная» гражданская война – сведение всяческих личных, экономических и политических счетов. Такой обстановкой наиболее эффективно пользуется самая сильная и организованная часть. В момент коллективизации возникали рецидивы тлевших угольков гражданской войны. Это было похоже на «перестройку» в некоторых местах. Были вспышки и разрывы разных типов – в условиях кризисов и в состоянии культурной травмы.

Во время войны я, в три года, увидел распад людей, и эти картины меня потрясли. Можно сказать, что тогда я не умел обходить разрывы. Эти образы выплывают из памяти, как из тумана. Помню, мы ехали из Москвы в Казахстан в эвакуацию. В нашей теплушке ехал мужчина (видимо, была бронь). Он на остановках покупал бутылку молока, потом вынимал кружку, садился в вагоне и пил маленькими глотками. Дети подходили к нему и плакали, среди них моя сестра. Матери уговаривали их не плакать, и они плакали тихо, почти неслышно, стеснялись. Это потом мне рассказала мать, – я не плакал, а лицо было красное.

В деревне нас называли *выковырянные* (эвакуированные). Нас разместили по колхозным избам. Мы привыкли к деревне. А вот другое воспоминание: я много ходил по деревне и её окрестностям, далеко-далеко – до Кустаная. Мне встречалось много разных людей: русские, казахи, немцы и много приехавших. Матери наши сразу пошли работать: зимой в школе, а летом в поле. В нашей детской жизни отражалась жизнь взрослых, а там шовинизма не было ни в традиции, ни в идеологии. Казалось бы, наши отцы в то время массами гибли под ударами немцев, а здесь – вот они, немцы, отселенные с Запада. Но ни у кого и в мыслях не было их подозревать.

Вот я летом 1942 года иду по степи – мать на току, я поиграл с пшеницей и пошел путешествовать. Ушел далеко, ничего не видно кругом, и пришел к странному домику. В нем что-то стучит, работает машина. Открылось окошечко, и показалось сморщенное лицо старухи-казашки. Посмотрела она на меня, потом исчезла, а потом опять выглянула в окошечко и протягивает мне вниз кусочек хлеба с маслом. Это была маслобойка, и все масло до грамма шло на фронт. В последний раз я ел масло до войны и не помнил его вкуса, а теперь попробовал его в «сознательном возрасте». Ничего вкуснее не приходилось мне пробовать с тех пор. Мы не обмолвились со старухой ни словом, она вернулась к своей машине, а я пошел дальше.

Однажды я подошел к пустому рынку, кто-то продавал только квас. Смотрю, стоит с кружкой странный человек, даже страшный – лицо черное от солнца, молчит. Я отошел и спросил у женщины: «Тётя, кто этот человек?» Я навсегда запомнил смысл этого разговора. Помню, что эта женщина тихо объяснила примерно так: этот человек – *бродяга*, он ушел в степь от людей и не знает, куда идет; может, у него горе – мы не знаем; тебе не надо к нему подходить.

Потом мы жили в Челябинске, в квартире было несколько семей. У одной женщины была собака, которую она выращивала для фронта. Мы все кормились около этой собаки – ей полагался обильный паек овсянки. Зато и любили мы ее по-особому – и она нас любила. Я часто вспоминаю и думаю... В тот год мы стайками бегали по городу, у всех родители до вечера на работе. В пустующую комнату поселили молодого солдата Павла (на костылях) – он долечивался после госпиталя. Он дал мне звездочку на шапку и сделал деревянный автомат – замечательный, с диском. Привязал веревку, и я его носил за спиной. Получил он из дому баночку меда, и каждое утро все дети являлись к нему в комнату. Он съедал одну ложечку сам и по ложечке давал каждому из нас. А потом, когда оставалось совсем на доньшке, один из нас

не выдержал, пробрался в комнату солдата и съел весь мед. Павел пришел к нам на кухню с пустой банкой и чуть не плача. И мы все ревели, глядя на него. Он тыкал пустую банку всем под нос и кричал: «Это что? Это что?»

Мальчишки постарше были для меня как братья. Как-то они спросили – ты можешь помочь? Маленьким лучше подают! Мне надевали сумку, и я ходил по квартирам, просил хлеба, а они поджидали меня за углом. Но дело оказалось трудным. Очень многие женщины, которые открывали дверь, заводили меня в комнату, разогревали еду и усаживали меня обедать. После того как я из-за дверей просил «подать голодному кусочек хлеба», отказаться от еды я не мог. Я заставлял себя съесть один обед за другим и, пройдя один дом, чувствовал себя совершенно больным. А однажды мне досталась, видно, последняя порция супа, со дна кастрюли, и в нем было очень много перца горошком. Я полагал, что нищий должен быть очень скромным и ничего не выплевывать, и жевал и проглатывал весь этот перец. Кончилось тем, что я пообедал у одной учительницы, которая работала вместе с моей матерью и меня знала. Моей матери собрали, сколько могли, продуктов, чем ее удивили – мы жили не хуже других. Дело выяснилось, и пришлось мне моим приятелям отказать.

Около нас был вокзал, и каждый день мы провожали солдат на фронт, с оркестром. Я проводил день на улице с мальчишками. И бывало, мы видели печальное зрелище – как конвоир с каменным лицом ведет дезертира, уткнув штык своей винтовки ему в спину. Их вылавливали на чердаках. Мы были на стороне конвоира и в то же время дезертира с тоскливым и отрешенным взглядом, все почему-то в серой одежде, казались нам родными. Можно даже сказать, что казались родными, чуть ли не одним целым – *солдат-конвоир* и *дезертир*. И потом, уже взрослым, я у многих людей замечал: при виде человека под конвоем, заключенного, они смотрели на него таким взглядом, словно это их родной брат.

Ещё из того времени. Иногда откуда-то послышится чей-то плач, все дети 4–5 лет начинают плакать. Сразу. Не раз я видел: идет женщина и вдруг начинает рыдать, и все на улице бегут к ней, окружают, обнимают. И тоже все бегут, если кто-то упал, ушибся. Может, поэтому дети были неосторожны, все знали, что тебя схватят, даже без взрослых, и бегом понесут к врачу (на себе испытал). Врачи были часто совсем старенькие, но как внимательно они нас осматривали и лечили! Не только конкретную травму или болезнь, а всего тебя, все косточки. Это исток – он держит людей.

И так, люди и я всю жизнь идем через небольшие или грозные взрывы, распады и соединения людей (всех типов). А сейчас...

Мне было уже пять лет, много было раненых солдат на костылях – они поправлялись после госпиталя, прежде чем поехать домой. На рынке они покупали кружку молока и кусок хлеба и ели молча и неторопливо. И любовь, которой окружал их весь рынок, казалась каким-то особым видом энергии, силовые линии этого поля были почти осязаемы. Тогда я, конечно, ничего этого не думал – это я сейчас пытаюсь передать мои детские, по сути биологические ощущения. Но если бы меня сегодня спросили, в чем для меня образ нашей земли и нашего человека, я бы назвал именно это – раненый солдат на том рынке, с кружкой молока и куском черного хлеба, в этом синергическом поле любви.

На вырученные деньги я покупал отруби и бутылку патоки. В патоке на танковом заводе закаляли стальные детали, и работницы понемногу выносили ее на продажу.

Образ военного времени, в котором прошло мое детство, всегда присутствовал в жизни страны. За всю свою жизнь не видел я ни в ком воинственности и поэтизации военных действий. Более того, много родных и близких возвращалось с фронта, о многом было переговорено с фронтовиками. Сейчас я с удивлением вспоминаю: ни один из них ничего не рассказал о своих победных приключениях. Рассказывали, кто со смехом, кто с горечью, о том, как били нас. Поразительно, как в многонациональном народе строго соблюдалось негласное, никем не

предписанное табу. Так что война осветила мою жизнь, как и жизнь большинства населения, – не ужасами зрелища смерти, а особым всеобщим душевным состоянием.

В Москве зимой жить было трудно, но не унывали. Отопления не было, спали в валенках. На кухне, как осенью разлилась на полу вода, так всю зиму был лед, как каток. Дядя Митя (слесарь и вообще мастер по всем делам в доме) сложил нам печку, трубу вывел в форточку. Дымила наша печка сильно – не было тяги. Взрослые уходили на работу рано, до ночи, а я сидел с маленькой двоюродной сестрой, она только стала ползать, и мы вместе ползали по полу, потому что в полуметре от пола уже был такой дым, что дышать было нельзя. Граница дыма была резкая.

Я вырос, нужно перешивать детям из военной формы. Портнихи ходили шить по домам. Мне сделали хороший китель. Работы у портних было много, они со всеми дружили и очень боялись «финна», всегда об этом говорили. Я тогда уже начал читать, я знал финна в «Руслане и Людмиле» и удивлялся, что его боялись. Слово «фининспектор» тогда не употреблялось. К нам ходила портниха – татарка из Крыма. Фамилия Кара-Мурза там известна, мой дедушка по отцу был из Крыма, и она к моей матери была расположена, с доверием. Когда Крым освободили, она плакала, говорила очень взволнованно. Потом успокоилась, все повторяла: «Слава богу! Слава богу!» Я не очень-то понимал, о чем речь, потом только сопоставил и понял. Портниха боялась за родственников-татар. Думала, что их будут судить за сотрудничество с немцами, а это по законам военного времени была бы верная смерть. Когда стало известно, что лично судить никого не стали, а всех татар выселили из Крыма, она была счастлива. Когда пришло сообщение о гибели моего отца, эта портниха сильно плакала.

Такие сообщения почему-то сразу становились известны во дворе, всем сверстникам. Даже не знаю, как. Сочувствие и поддержка двора оказывали очень сильное действие.

Я прошел тяжёлую трудную картину. Коротко: в Москве, 1937 г. сдавали дом, нам (нашим родителям и сестре) дали две комнаты, другие три комнаты заняла семья украинцев – старики, их взрослая дочь и внучка. Наши соседи были из хозяев (кулаков), но они «*самораскулачились*» – вовремя раздали имущество родственникам и приехали в Москву, где училась в вузе их дочь. Она стала доктором медицинских наук, влиятельным человеком. Моя мать говорила, что она спасла мне жизнь, и была ей очень признательна. Зимой 1944 г. я заболел менингитом, и тяжело. Наша соседка быстро и даже не вызывая врача меня отправила в больницу на Соколиной горе. Быстрота помогла, я поправился.

Как только освободили Украину, к соседям стали приезжать худые люди с мешками – их родственники привозили им продукты: пшено, сало, лук. Они добивались с невероятными трудностями, на них было страшно смотреть – в грязи, почерневшие, с воспаленными глазами. Соседи не слишком скрывали свои антисоветские чувства, но старшие были осторожными, а внучка (из МАИ, инженер) превратилась в злобное, воинственное существо. У нее внезапно возникли мессианские картины их хутора, которого она не видела.

У них была домработница из Липецкой области, молодая, добрая женщина, – Мотя. И работающая – на грани разумного. Все умела делать и радовалась любой работе. Стали они строить большую дачу. Она работала как строитель, и бревно сильно ударило в живот. Начался рак желудка, сделали операцию. После операции она лежала в небольшой комнате, где было две кровати – для нее и бабушки украинцев. Через несколько дней заходит к нам в комнату Мотя и плачет: внучка пришла и требует, чтобы она съезжала, потому что надо им новую домработницу селить. А она еще слаба, домой уехать не может. Моя мать пошла поговорить – те ни в какую. Мать позвонила в профсоюз, чтобы нанимателям объяснили права домработницы. И вот оттуда позвонили и объяснили.

Вечером, когда Мотя уже спала, пришла внучка, зашла к Моте в комнату и стянула ее вместе с матрасом на пол. Уезжай, немедленно! Мотя – к нам, вся трясется. Это было похоже на убийство. Я выскочил в коридор, там все соседи были в сборе, и я стал орать одно слово...

Случилась со мной истерика, такое безобразие, какого у меня никогда не было. Внучка – в бой, ее мать и другие ее тянут назад. Она мне грозит: «Завтра же приду к тебе в школу, в комсомольскую организацию». Мне стало смешно, и я сразу успокоился. «Приходи, – говорю, – мы тебя из окна выкинем».

Мотя перешла жить к нам, отлежалась. Приехал ее отец из деревни. Сидел в комнате, боялся выйти. Очень, говорит, злыми глазами на меня смотрят, страшно становится. Увез он Мотю домой, потом отец написал, что она все-таки умерла. Отношения с соседями вновь стали дипломатически корректными, но мне этот случай запомнился.

Вспоминая сейчас те сложные отношения с соседями, с непримиримым, хотя и скрываемым конфликтом идеалов, я не могу упрощать – при наличии этого конфликта в житейском плане мы были людьми одного народа, шли друг другу на помощь без всяких тормозов и внутренней борьбы. Как-то эти две стороны жизни разводились. Я благодарен тем соседям за то, что они сделали для меня и моих близких. В свою очередь и я рад был им помочь, и они ко мне легко обращались. А сейчас раскол идейный у многих привел уже и к отчуждению личному – как будто мы люди разных народов, а то и рас.

Казалось, что основания ненавидеть советский строй имели как раз старики, которым пришлось бросить свое богатое хозяйство. Но они же были и человечными. Другое дело – их внучка. Нет, старая обида выплеснулась в третьем поколении. Но тогда я еще не предполагал, что у нас может появиться интеллигенция, которой душевные порывы этой внучки будут ближе и дороже, чем права и сама жизнь доброй Моти.

А у меня был товарищ Толя. Я частенько заходил к нему домой, мама его делала оладьи. Толя хвастал, что в войну она работала на хлебозаводе и приносила тесто в валенке. Заворачивала в тряпку – и в валенок. А дома делала оладьи. Мама его была очень усталая женщина, а в Толе души не чаяла. Он был талантливый мальчик и нервный, но его грыз червяк несогласия. Как-то, уже в третьем классе, он на уроке шепотом стал мне говорить, что он против Октябрьской революции. Меня это поразило, казалось просто невыносимым. А он объясняет: «У моего дедушки был свечной завод. Если бы не революция, я был бы хозяин свечного завода». Я ему говорю: «Тебе не стыдно было бы рабочих эксплуатировать?» Его, видно было, этот вопрос тоже мучил, и он ответил: «Я бы рабочим свечки давал».

Я видел и Толю, и его маму, и хотя его дедушка имел свечной завод, – но было видно, что все они приняли новый строй. Достоевский наблюдал процессы в психике и поведении людей в условиях глубокого кризиса фундаментальных форм социального бытия. Для упрощения, в качестве аналитической абстракции, он представил человека как «семью Карамазовых» – всех одновременно, *включая Смердякова*. Такого человека можно уподобить *ядру атома*. Но, как говорят, в ядре не сосуществуют протоны и нейтроны, оно их «порождает» под воздействием *удара извне*. Какая частица будет выброшена при ударе, зависит и от удара, и от самого ядра. Так и человек (и общности людей) отвечает на воздействие изменяющихся социальных форм, следуя своим внутренним состояниям и интенциям, и предсказать вектор и силу его ответа в случае глубоких сдвигов очень трудно.

Мы долго не знали, что есть разновидности революций – самые сильные и *разрушительные*. Нельзя было ожидать, исходя из рационально изученных прецедентов, что разумные и культурные немцы в 30-е годы превратятся в архаический фанатичный народ, одержимый невероятной страстью и энергией. Конечно, нашлись те, кто это «предчувствовали», искали знаки у Ницше, в каких-то преданиях. Все это очень зыбко.

Какие бедствия несет простому обывателю разрушение структур, которые обеспечивали общественную жизнь. Посмотрите, сколько горя прошло на постсоветской земле. Бывает, в условиях глубокого кризиса люди теряют ориентиры, мечутся, наносят раны своей стране и своему народу. Но в момент отрезвления их охватывает горе и раскаяние. А нашу элиту не охватывает горе, – что это значит?

Тут, надо признать, сильно повредила и официальная советская пропаганда, которая для простоты сделала из слова «революция» священный символ и представляла всех противников «контрреволюционерами». Я пришел в те годы к этому противоречию, из которого не видел выхода, в ходе домашних споров с моими родными, которых можно было считать «строителями советского жизнеустройства».

Моя мать видела весь замысел советского строя, как будто уже в детстве его продумала, когда вместе с братьями выполняла непосильную для ребенка работу в поле. В 70-е годы она написала несколько тетрадей своих воспоминаний и размышлений. Я их прочитал, и мне они показались очень важными для понимания всего хода нашей жизни.

К сожалению, когда дело дошло до конца «30-х годов», на нее нахлынули такие тяжелые воспоминания, что она сожгла все эти записки. Она считала невозможным и недопустимым вбрасывать реальность репрессий в нашу нынешнюю жизнь – был риск, что наше поколение с этими рассказами не справится и наделает ошибок. Да и рассказы эти, как их ни пиши, получались не правдой, а только криком боли. Спекуляции на страданиях – это лишь в 80-е годы стало цениться. Мать вступала со мной в споры, хотя они ей нелегко давались.

В отличие от школы, в университете было уже довольно много ребят, которые думали иначе и ощущали себя не хозяевами, а *жертвами и противниками* советского строя. Важно, что уже тогда, в 1956 г., изрыгать хулу на советский строй было не только безопасно, но у части студентов считалось чуть ли не признаком хорошего тона, – КГБ они называли «гестапо». Таких радикалов, впрочем, было очень мало, и у них был какой-то непонятный ореол. К последним курсам он пропал, они озаботились распределением, дипломом, поникли. Одно дело – шуметь в раздевалке спортзала, а другое – сделать хорошую вакуумную установку для своего же исследования.

Но посмотрим на Евразию. Она имела особую формацию – в политике, в культуре, идеологии, экономике, науке и оборонных системах. Это *Совет экономической взаимопомощи (СЭВ)*. Можно сказать, *Евразия и периферия мирового социализма*. Так и Запад тоже создал формацию похожую, но другую. В нашем Университете (МГУ) все мы включились в системы и СССР, и периферии. Например, учились у нас 1000 студентов из Вьетнама. Я ходил на встречу Хо Ши Мина со студентами-вьетнамцами, и один мне переводил. Это был разговор с очень умным человеком, его суждения были реально полезны, с ним можно было советоваться. Он говорил студентам: сейчас вы в России, вы должны понять этот народ, вы должны подойти к ним как братья и друзья и как школьники. Он сказал пару слов, но в глубине мы получили от них ценные синтезы.

Когда я был на первом курсе, шли бурные события – XX съезд, восстание в Венгрии. У нас на курсе было много иностранцев (пятая часть). В нашей группе, помимо китайцев, были другие – была, например, поляка. Худая, как комар, но очень элегантная и сильно озабоченная на антисоветской почве. Приятно было с ней беседовать – скажешь что-нибудь в шутку, она вспыхивает, как порох. С венграми было посложнее – хладнокровные, главное, признавали, что советские войска спасли их от гражданской войны. Причем такой, что перебили бы друг друга дочиста, много там было старых счетов. Кстати, и тогда было ясно, что дело было не во внутреннем конфликте – это была операция холодной войны с локальным переводом ее в горячую фазу.

Потом я познакомился с одним веселым химиком. Он в 1956 г. был военным летчиком, их послали патрулировать западную воздушную границу Венгрии. Встретили их английские самолеты (в них уже сидели венгры), сразу обстреляли. Ему ранило ступни ног, осколок пробил щеку, выбил зубы и застрял во рту. «Оборачиваюсь, – рассказывает – а стрелок-радист сидит без головы, свои рукоятки крутит». Так ему и пришлось в химики пойти, летать больше не мог. В общем, с иностранцами из Европы нам на курсе разговаривать было непросто, тем более что сразу появились подлипалы из наших. Только немцы на все плевали, их ни венгры, ни

даже полька растрогать не могли. Они тогда твердо стояли на позициях марксизма-ленинизма и усердно учили химию.

И вот в такой обстановке вдруг приезжает на факультет какая-то высокая политбригада во главе с зав. студенческим отделом ЦК ВЛКСМ. Большая аудитория битком, любопытно. Какой-то боевой идеолог (потом оказалось, это главный редактор журнала «Новое время», некто Съедин) начал клеймить всяческую контрреволюцию. «На улицы Будапешта, – говорит, – вышли поклонники Пикассо и прочая фашистская сволочь». И далее в таком духе. Я ему написал записку, первую и одну из немногих, короткую – мол, нам и так на курсе непросто, а тут еще приезжает такой дурак и несет всякий бред. Разгребай потом за ним. За это, пишу, надо дать вам по шапке. Он записку взял, бросил председателю – читать ему было некогда, он вошел в раж. Тот прочел, дал почитать соседям, а потом вернул оратору. Он вчитался, покраснел – и зачитал записку вслух, только исказив. Видно, глупый был мужик. При этом он начал орать, что и здесь, на славном химфаке, завелась контрреволюционная нечисть, – и тряс запиской. Вот, думаю, не просто дурак, но еще и сволочь.

Через пару дней нашел меня секретарь факультетского комитета ВЛКСМ, озабоченный. Звонят в деканат из ЦК ВЛКСМ, меня разыскивают. Спрашивает, в чем дело. Я говорю: «Наверное, из-за записки. Ту, что тот тип зачитывал». «Так это ты написал?» – «Да». В общем, поехал я в ЦК, беседовал со мной зав. отделом (потом, как я случайно узнал, он был важной шишкой и в ЦК КПСС). Вопреки моим опасениям, он чуть ли не юлил передо мной. Видимо, после XX съезда была там какая-то неуверенность. «Мы, – говорит, – уже в машине сказали Съедину, что он погорячился. Ведь Пикассо – член французской компартии».

Я этого, кстати, не знал и удивился. Знал, что он сторонник мира, что нарисовал голубку, да и не в нем было дело. В общем, инцидент закрыли, так что прямые «выезды в народ» не помогали делу.

Но большинство наших студентов верили советскому строю, потому что он породил необычный, исключительно сильный всплеск инновационной активности, как говорили, придал ей эсхатологический характер. В литературной форме философский смысл этого явления выразил Андрей Платонов в своей повести «Ювенильное море».

Но мы многого не знали. Мы думали, что идем по прямой дороге, а на нас упал *кризис индустрии*. Антрополог сказал: «Куда идут “нация” и “национализм”?» И мы не были готовы: «В период 80-х и 90-х годов научная индустрия, созданная вокруг понятий нации и национализма, приобрела настолько обширный и междисциплинарный характер, что ей стало впору соперничать со всеми другими предметами современного интеллектуального производства». Были и другие проблемы...

Кризис со стилигами

В 1954 году я учился с моими друзьями в школе в нашем 8-м классе. Жили мы с радостью. Всегда бывало немного споров о разных картинах, и незаметно они исчезали. Но потом появились необычные симптомы. Внезапно в классе возникли «стилиги» – шестеро парней, дети из «генеральского» дома. Они были как все – и вдруг... мне звонит отец одного парня: «Ты комсорг? Надо поговорить, приходи ко мне на службу». Я пошел, он оказался секретарем парторганизации издательства «Правда». Огромный кабинет, знамя. Сильный умный человек, мощные орденские планки. Спрашивает меня: «Скажи, что происходит? Что с моим парнем? Воспитывали, как все – и война, и беды». И вдруг заплакал, затрясся. Я перепугался, успокаиваю его, ваш сын – хороший человек...

Меня это потрясло: политработник высокого ранга, прошел войну – спрашивает меня, подростка: «Что происходит? Объясни!» Я впервые почувствовал угрозу. Почему ветераны войны не знают своих парней?! Где же наша наука? Не знают! Но я же их знал, они были из

«высших слоев общества», но были *как все* – и вдруг после каникул они сплотились, и появился у них свой язык, стали они над всем посмеиваться. Это поначалу казалось очень странно. Это были ребята в основном способные, и поначалу они ничем почти не отличались. Один ходил в отцовской шинели.

Когда сложилась «культура» стилияг, в среде учителей возник едва заметный, но, видимо, глубокий раскол. Думаю, гораздо более глубокий, чем в среде учеников. У нас сменилась классная руководительница, вести класс стала преподавательница литературы, женщина молодая и красивая. Педагог она была блестящий, замечательно читала стихи. Она приходила на наши вечеринки с вином, их устраивали ребята из «генеральского» дома, они жили в больших квартирах. Не все в классе к ним ходили. Там витал дух корректного презрения к «плебейам» (кстати, тогда это слово вошло в жаргон). Мне на этих вечеринках было жалко смотреть на наших девочек из «бедных» семей, которые этого не чувствовали и искренне радовались компании.

Но иногда казалось, что эти товарищи общаются где-то вне школы – там, где проходит их главная жизнь, – так они понимали друг друга. Но было там что-то чужое и даже враждебное, странно и неприятно. Это было что-то новое. Наверное, раньше тоже было, но пряталось, а теперь стало осторожно выходить на свет. В нашей школе никогда этот вопрос явно не поднимался и в глаза стилиягами их никто не называл. В 7-м классе были три-четыре хулигана, эта группа была совершенно другая, они договорились с директором, чтобы они продолжали учиться, и им мы помогали в жестких рамках. Это было трудно, но это понятно. Они ушли, а я часто думал, как и куда разошлись, – и что хулиганы мне были более понятны.

А внешне наших стилияг я хорошо знал (у меня был мотоцикл, и у одного из них тоже был, мы вместе часто далеко ездили). В этих ребятах была какая-то тоска, как будто они устали жить. Может быть, они под давлением родителей и старались хорошо учиться, но было видно, что это они делали нехотя. И потому не получалось – иной раз смотришь, даже губа у него вспотела, но не дотягивали. Как будто не могли сосредоточиться, вдуматься. Зачем, мол, все это?

А дальше – власть затоптала стилияг, но не изучила этого явления, и объяснили обществу совершенно неверно. Тогда на этой почве бывали инфаркты. Помню, почти на сцене умер мой любимый актер Мордвинов. Читал отрывок из «Тихого Дона», замолчал и только успел сказать: «Прошу меня извинить», – ушел за кулисы и умер. Говорили, что сын-стилияга попал в какую-то передрагу.

Я думал (и сейчас так думаю), что те стилияги, которых я знал, сошли со сцены *непонятые*, но не сделав большого вреда стране. Большая часть потребности в образах была объявлена ненужной, а то и порочной. Это четко проявилось уже в 50-е годы, в кампании борьбы со «стилиягами». Ведь они возникли в самом зажиточном слое, что позволило объявить их просто исчадием номенклатурной касты. В действительности это был уже симптом грядущего массового социального явления. Никак не ответив на жизненные, хотя и неосознанные потребности целых поколений молодежи, родившейся и воспитанной в условиях крупного города, советский строй буквально создал массы обездоленных.

Те, кто начали вынашивать идеи *перестройки*, пять лет спустя, с начала 1960-х годов, были *другого поля ягоды*. В них не было ни тоски, ни надлома, они рвались вверх и были очень энергичны и ловки.

Можно сказать, что диалог людей, которые по-разному представляют предмет и вместе разбирают контексты и видят, что в реальности эти предметы разные, снимает пленку невежества. А дальше они принимают рациональные решения. И этот подход – *фундаментальная основа*. С этой базы начинают изучать предмет – и даже самые разные люди в разных формациях. Но учиться этому непросто.

Это знали студенты 50-х годов. Вот небольшие *сюжеты* наших студентов-товарищей.

Особое место в моей студенческой жизни (и, думаю, многих) занимала *целина*. Первый раз студентов посылали на освоение целины в 1956 г. Я ездил туда два следующих года – 1957 и 1958 гг. Сначала нас бросили в особую точку советской жизни, где можно было увидеть и понять очень многое. Если, конечно, было желание. После первого курса поехали *добровольцы*, примерно четверть курса. А потом уже поехало много студентов.

Мы ехали из Кустаная на грузовиках, через казахские кишлаки. Многие их семьи жили еще в землянках. Мы приехали, сгрузились на окраине деревни. Привезли нас на место – степь и перелески, надо ставить армейскую палатку. Подъехал молодой казах на лошади. Хоть и лето, а в шапке-ушанке и полушубке на голое тело. Парень тот кончил местную десятилетку и работал летом пастухом. Узнав, что мы из МГУ, он обрадовался, спрашивает нас: «Над чем сейчас Виктор Шкловский работает, что нового пишет?» Я имя Шкловского слышал отдаленно, ничего не читал, так что промолчал. Нашелся среди нас один знающий, что-то сказал пастуху о космологии. Пастух говорит: стараюсь все книги Шкловского покупать, да не уверен, что все к нам доходят.

Посмотрел на нас, показал улыбку и поехал.

На целине моментами приходилось работать с полным напряжением сил. Почти для всех это было в диковинку, и узнать, что это такое, было полезно. Целина давала прекрасный урок простой мудрости: даже те *улучшения*, которые тебе кажутся очевидно полезными, надо делать очень осторожно. Улучшая часть целого, которое тебе недостаточно известно, ты можешь ненароком сломать какую-то другую часть этого целого. Так, что вместо пользы нанесешь ущерб или людям, или хозяйству. С нами было два таких случая.

Поручили нам очистить от навоза овчарни, в которых зимовали овцы. Никогда их, видно, не чистили, и год за годом навоз заполнил строения почти до крыши. Работа оказалась тяжелой и муторной. Слежавшийся за многие годы и высохший за лето навоз, к тому же армированный соломой, представлял из себя упругий прочный материал, который не поддавался лопате. Ковыряешь, ковыряешь по кусочку. Вилы ломались. Понятно, почему годами никто за это не брался. Старый бригадир приехал, показал нам, что надо делать, и сказал: «Снимете сверху, сколько сможете, а я через пять дней приеду посмотреть».

Думали, думали, как же этот навоз взрезать. В конце концов нашли способ. Было у нас несколько спортсменов, даже гимнасты хорошие были. Они научились прыгать на лопате, стоя на ней двумя ногами и держась за черенок. Если прыгал достаточно тяжелый человек и достаточно высоко, лопата легко пробивала слой твердого навоза на глубину штыка. Так навоз нарезался на ленты, а отслаивался он легко. Дело пошло быстро, и до приезда бригадира весь навоз до земли был изрезан на кубики и вывезен, а пол в овчарне был чисто подметен метлами, которые наломали в рощице.

Когда бригадир приехал, мы уже играли в волейбол, что его возмутило, и он нас обругал. Поэтому никто даже не пошел сопровождать его в овчарню. Когда он туда вошел один, через мгновение оттуда раздался его отчаянный крик – как вой раненого зверя. Все кинулись туда. Оказывается, для зимовки овец обязательно надо, чтобы на земле оставался толстый слой слежавшегося навоза. Навоз не только прикрывает холодную землю. Окисляясь, он греет овец, и его не заменить, например, соломой. Убрав навоз до земли, мы создали людям большую проблему. Но все мы поняли наше *невежество*, и это было очень полезно.

Другой урок мы получили в 1958 г. Мы приехали в Северо-Казахстанскую область, в новый совхоз из молодежи (всего 300 человек), но с замечательным директором, ветераном войны и Героем Труда.

Наша бригада сначала была на уборке сена. Сеяные травы были почти в рост человека (какие сорта уже тогда были!). Нас научили подавать наверх на машину очень большие копны сена, не надрываясь. Удивлял один китаец (их у нас в бригаде было 11). Красивый, из аристократов, высокий и тонкий, как тростинка. Но так вдумчиво осваивал технику, так точно рас-

пределял вес на кости, соблюдал равновесие, что стал поднимать наверх просто невероятные копны. Здоровые мужики из совхоза приходили смотреть, удивлялись. Другой этап – передавать сено на высокую скирду.

На соседней скирде работали старшекурсники и с ними два преподавателя (с гонором). Они втроем влезали на большой грузовик. Разгружали почти два часа. Наш товарищ с курса, наблюдательный, смотрел, смотрел – и понял. Сказал: не залезайте втроем. Ему крикнули: сами знаем! Они не увидели *важного*. Когда на вилах поднимаешь копны такого сена и кладешь их на машину внахлест, весь воз кажется одним целым, границы между копнами исчезают. Если наверх влезает три человека, каждый обязательно наступает на краешек копны, и сосед должен с трудом выдирать ее вилами из-под ног. И своих ног, и соседа. Но если внимательно приглядеться, эти «скрытые копны» можно различить (можно даже вспомнить, как Стаханов вглядывался в пласт угля). Тогда можно отступить в сторону, взять вилами только эту копну, не зацепляя другую, и без всяких усилий ее поднять.

Как раз нам пришел ГАЗ-51 с сеном, наш товарищ влез на кузов в одиночку и показал, как легко можно передать все сено на скирду. Дошло до того, что он в качестве рекорда разгрузил такой ГАЗ за 14 минут. Один! Правда, как вихрь метался по сему, со стороны казался сумасшедшим – то там ткнет, то здесь. Очень толковый был парень, много думал (особенно в химии).

И после этого возник интерес к секретам мастерства, кто что умел – показывали желающим. Один наш студент, бывший грузчик, показал нам, как надо поднимать и носить тяжелые мешки. Ведь почти никто не умеет, вот и мучатся люди. Многие наши товарищи на всю жизнь про себя благодарили своего учителя-грузчика.

В разных культурах действуют люди с разными ценностями и силами, но и внутри каждой из культур существуют разные люди – умные и глупые, упрямые и рассудочные, агрессивные и дружелюбные и т. д. И заранее мы не знаем, какие из них соответствуют нашей культуре (и как воспринимать группы, общности, народы, предлагающие изменения, то есть являющиеся *иными*). Если они нам говорят, что наши дела надо прекратить и делать другие, то мы скажем, что наши дела мы делаем давно, а вы покажите нам, чем хороши ваши дела с вашим методом. Если они для нас нехороши, эти люди – *невежды*. Так возникают противоречия или конфликт.

Дальше мы представим еще несколько простых противоречий и примеров невежества – и наших, и других.

Личный сюжет: подходы к аномии чиновников

Как-то в 1959 г. я ехал в электричке, и попала на глаза старая газета. В ней статья о партизанах Кастро и фотография: девушка верхом на лошади и с винтовкой за плечами. Захотелось поехать на Кубу, стал учить язык, приятель достал мне учебник испанского языка, изданный в 1937 г. для наших военных (их послали в Испанию). Этот учебник мне и помог. С химфака МГУ послали одного знакомого на работу в университет Кубы (Орьенте), он кинулся искать учебник. Я ему отдал, а он говорит: «Приезжай тоже». Вдруг приходит в мой Институт заявка на меня с Кубы. Шеф рассвирепел – что за махинации, кто вас так учил жить! В общем, не пускает. Говорю: хочу на Кубу! А он: сделаете диссертацию – и езжайте.

Приятель, который с моим учебником уехал, заслужил на Кубе большую славу. Он там купил себе мотоцикл и обшарил на острове все закоулки, где могли быть научные приборы для университета. Пробился к Че Геваре и с ним ездил отбирать приборы у директоров и министров. Собрал хорошую лабораторию. Я кое в чем ему из Москвы помогал, так что заявка на меня снова пришла.

Отбыл я на пароходе на Кубу в 1966 г. – с грузом реактивов, приборов и парой аквалангов. Вошли в бухту, из порта – в город, спрашиваю, где здесь университет? В универси-

тете ахнули, никто меня не ждал, про заявки все забыли. Но все знали, что советские приехали помогать, и были за это благодарны. Повезли меня на сахарные заводы – посмотреть процесс производства. И обнаружилось множество проблем, которые можно было эффективно исследовать с помощью тех новых приборов и методов биохимии, которыми я владел. Мировые исследования сахарного производства методически отстали от современной молекулярной биологии на целую эпоху, и никакого мостика нигде не возникало.

В университеты Кубы прислали несколько студентов из СССР. К нам в химическую школу дали одного студента с химвфака Ленинградского университета. Я как химик помог ему устроиться, со всеми познакомил. Он хорошо знал английский и французский – и за два месяца стал прекрасно говорить по-испански. Руководителем был профессор из Калифорнийского университета (он вернулся на Кубу). Наш профессор относился к нему с отеческой нежностью – дипломнику из Ленинградского университета.

Весной кубинцы объявили, что этот наш студент – персона *нон грата*. Это был первый случай в отношении советского человека на Кубе, поэтому поднялся шум. Профессор пришел ко мне расстроенный. Я, говорит, в знак протеста решил подать в отставку со всех своих постов в университете. Я говорю: «Бросьте даже и думать, что за глупости. Что вы вообще знаете о причинах его высылки?» Меня тогда сильно удивило это странное стремление – протестовать, хотя и самому не ясно, против чего протестуешь.

Пришел ко мне секретарь нашей комсомольской организации: «Напиши ему хорошую характеристику, мы будем его перед кубинцами защищать. Консул велел». А консул был одновременно и куратором от КГБ. Я говорю: «Кто я такой, чтобы характеристики писать? А если бы и был обязан, то хорошую бы не написал. Зачем же перед кубинцами в глупое положение становиться? Пусть потихоньку уезжает, ведь ясно, что что-то накопили». Так и получилось. Пошло наше начальство с демаршем, и, как мне рассказывал потом переводчик, им ректор таких вещей наговорил и такие документы представил, что положение их было весьма глупым.

На Кубе тогда шло становление современной научной системы, наблюдать за этим было интересно. В кубинцах такой дух был, и сейчас он силен. Уже в конце 1960-х годов были видны «зародыши» блестящих работ. А главное, была цепкость. Как появляется толковый специалист, его прямо облепляют. Я приехал из очень сильной лаборатории, да к тому же знал язык. Множество людей приходило – посоветоваться, посмотреть, что-то освоить. В мертвый сезон на сахарных заводах приходили химики-техники, их присылали к нам, в университет. Нам это было большое подспорье, а у техников большой энтузиазм возник. Замечательно работали и поняли методы большой науки в сахарном производстве – все выступили на научном конгрессе (по технологии сахара). Кое-кто, писали, очень хорошо устроился в США благодаря этому опыту.

Кстати, лучшим институтом Академии наук Кубы стал Институт генетики сахарного тростника, но среди его сотрудников не было тогда ни одного с высшим образованием. Только несколько советских генетиков-консультантов – и молодые кубинцы из техникума. Когда я в 1970–1972 гг. работал уже в Гаване, один из моих учеников сделал прекрасную работу, у него родились такие сильные идеи, что исследование получилось выдающееся. Это была большая проблема: на складе огромные кучи сахара начинали разогреваться и чернеть, а иногда процесс приобретал характер взрыва – огромная куча в тысячи тонн превращалась в вулкан, из которого вырывалась раскаленная лава черного расплавленного сахара. Он нашел способ элегантно управлять большой и сложной системой реакций, но вступил в конфликт с традиционными критериями.

Парень этот был из семьи рабочего (автослесаря), кончил вечерний вуз и не слишком грамотно писал по-испански. В жюри, которое обсуждало его диссертацию, был итальянский профессор, специалист по полимерам. Он стал рьяно возражать против присуждения степени. Во-первых, говорит, методы очень просты. Во-вторых, много орфографических ошибок. Стан-

дарты научности, стандарты научности, нельзя снижать уровень... Я расвирепел, как редко со мной бывало в жизни. Ах ты, думаю, гад. А еще левый экстремист! Сцепились мы, да в присутствии всего ученого совета (обсуждение шло в отдельном зале, куда совет «удалился на совещание»). Почти час спорили, доходя до взаимных политических оскорблений. Всем видно, что работа выдающаяся, – а он ни в какую (имел право вето). При этом актовый зал был полный – и все там притихли, недоумевают – что же там происходит, в совещательной комнате. Я его все-таки переспорил, да еще предупредил ученый совет: будете таким критериям следовать – загубите свою национальную науку. Этого парня пригласили в Москву (в бывший мой институт) работать над другой диссертацией.

Во время работы на Кубе у меня возникла возможность на опыте прощупать репрессивную силу системы. Для моей дальнейшей жизни опыт был полезен, хочу им поделиться. Он длился долго и вовлек в действие многие механизмы нашей системы 1966–1968 гг. Поэтому какое-то полезное знание дает.

Дело в том, что я вопреки моим желаниям и моему характеру вошел в сильный конфликт с начальством советской группы специалистов, с консулом и с секретарями парторганизации – как группы университета, так и провинции. Такая вещь за границей – ЧП, поэтому оказалось втянутым и начальство более высокого уровня.

Когда я приехал, у меня установились прекрасные отношения со всеми советскими коллегами. Большинство их было из Ленинграда. Начались между нами трения по пустячному поводу. Кроме меня, был еще один химик, с химфака МГУ. Человек мрачный, и, видимо, на него коллеги и начальство заимели зуб – по чисто личным причинам – еще до моего приезда. Приходит он ко мне и говорит: «Помоги, как химик химику. Хотят меня сожрать, ставят на партсобрании вопрос о моей работе. Говорят, я предложил кубинцам плохие темы исследований». Посмотрел я его темы – все нормально, как химик он имел высокий уровень, хотя таких занудливых химиков немного найдется. Ладно, говорю, пойду на партсобрание, поддержу тебя.

Пришел. Публика интеллигентная, ведь Ленинград – наша Европа. Думаю, договоримся. Выступаю, как в лаборатории, чуть шутливо. Говорю: бросьте, мол, дорогие товарищи, темы тут ни при чем. Вы все тут, говорю, вообще не химики, как можете судить, какая тема хороша, а какая плоха. К моему удивлению, эти разумные слова у начальства вызвали очень болезненную реакцию: «Как это не можем судить! И можем, и обязаны судить, на то мы и парторганизация». Я им опять по-хорошему говорю: «Тогда давайте проведем эксперимент. Я тут на бумажке написал пять нормальных, разумных исследовательских тем – и пять идиотских, заведомо абсурдных. Пусть каждый член КПСС отметит крестиком те темы, которые он считает разумными. А потом мы посмотрим, пришла ли парторганизация к единому мнению». Это уж совсем очевидно разумное предложение привело начальство в ярость. Даже удивительно было увидеть такой темперамент у ленинградской профессуры. «Вы нам тут цирк из партсобрания не устраивайте!» – кричат. Но вопрос о темах мрачного химика с повестки сняли.

И надо же так случиться, что он хоть и зануда был, но не дурак. Каким-то образом он со всеми помирился и даже стал приятелем – получил прекрасную характеристику и уехал себе спокойно в Москву. И еще зарекомендовал себя как защитник советских ценностей на переднем фронте идеологической борьбы. И приходят ко мне активисты из Союза молодежи – на него жаловаться. Он на экзамене всех заставляет наизусть пересказать ленинское определение *материи*. Кто не может – ставит двойку. Я говорю: пойдете вместе с ним разберемся.

Он говорит: «Тот, кто не знает ленинского определения материи, не может понять неорганическую химию». Я ему по-русски: «Ты что, Вадим...?» Я такого идиотизма в СССР ни разу не встречал. Студенты нашего русского разговора не поняли, снова занули: «Мы ничего усвоить не можем. Может быть, вы нам плохо перевели? Что это такое – “данная нам в ощущении”? Кем данная?» Тут уж не смог я его поддержать, при всем моем уважении и к Ленину, и к материи. Потом, слышу, он парторгу жалуется на кубинцев: «Ленинское определение материи

не хотят учить! Вот, мол, тебе и социалистическая революция...» Я так до сих пор и не знаю, всерьез он это или ваньку валял. Уж больно натурально.

В общем, уехал он, а всю свою нерастраченную злость начальство обратило на меня. Как раз весь старый состав преподавателей сменялся, но начальство оставалось. Только старый парторг университета уезжал. Добрый, из Запорожья, он мне сказал: «Будь поосторожнее, решили тебя сожрать». Я удивился: «Что они на меня могут навесить?» Он говорит: «Ты какие-то технические предложения кубинцам писал. Пока что только это. Ты бы лучше наладил с ними отношения». Ну, думаю, это ерунда. Я эти предложения подавал через советское представительство, там и должны были решать, передавать их или нет нашим кубинским друзьям.

Приехал новый состав группы преподавателей, все очень симпатичные, много биологов и биохимиков. Я им помогал – и методами, и реактивами, свел с нужными людьми, вводил в курс кубинской жизни, и все были довольны. Месяца за три до отъезда был ритуал характеристики. Потом она обсуждалась и утверждалась у консула, потом в посольстве в Гаване, потом отсылалась в личное дело в Москву. Стандартный текст, подписи, номер протокола. Но на начальной стадии начали выдвигать мне какие-то туманные обвинения. Все притихли, вижу, впрямь решили гадость устроить. Собрал на всякий случай все бумаги, которыми можно отбиваться, припомнил все упущения и слабости. Ну, думаю, валяйте, все чисто, все в пределах нормы. Стал на собрания ходить с черной папкой – собирать туда мои бумаги, все обвинения стал записывать. Эта папка сильно злила руководство – нехорошо было с моей стороны...

Наконец, партсобрание. Выступает новая парторг группы преподавателей и несет какую-то чушь: «Вы, товарищ Кара-Мурза, написали в кубинскую газету статью, где утверждали, будто все пятьдесят лет советской власти в СССР органы госбезопасности из-за угла убивали людей». Все честные коммунисты окаменели. Они тоже такого не ожидали. Я прервал ее красноречие, и между нами произошел такой диалог. Я говорю:

– Что это за статья, в какой газете?

– Это статья, которую вы написали для газеты «Сьерра-Маэстра» по поводу 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

– Вы лично читали эту статью?

– Да, читала, вместе с секретарем парторганизации провинции.

Этот секретарь сидел рядом с ней и кивнул. Я спросил:

– Вы можете показать эти места и зачитать их? Учтите, что вы несете ответственность за свои слова.

– Показать не могу, поскольку этот текст утерян.

– Почему же утерян? Вот он, пожалуйста. – И я достал из своей черной папки этот несчастный текст. Все ахнули. Это был славный момент в моей жизни.

А получилось так. В ноябре как раз исполнялось полвека Октябрьской революции, и кубинцы еще в конце лета попросили нашего секретаря, чтобы кто-нибудь написал большую статью для их газеты. Тот поручил мне, я написал, отдал ему и забыл об этом деле. Но осенью на Кубе состоялся судебный процесс против их «антипартийной группы», видных членов бывшей компартии, которые сильно расшипились на Фиделя. Свои издевательские беседы они вели с работниками нашего посольства, а кубинцы это все записали на пленку и обнародовали. Получилась заминка в официальных отношениях, и кубинцы советскую статью печатать не стали, а написали что-то свое. Никто из нас, естественно, об этом и не вспомнил.

Секретарь парторганизации не нашел ничего лучшего, как выбросить мою статью в мусорный ящик. Как-то я зашел к приехавшему недавно новому переводчику поболтать и выпить пива, а он мне говорит: «Тут у меня под кроватью валяется какая-то ваша рукопись. Может, она вам нужна? Я иду и вижу, лежит в мусорном ящике. Это не порядок, нельзя за границей свои бумаги раскидывать, и я ее домой принес. Все забывал вам сказать». Я эту статью

у него забрал и на всякий случай к другим бумагам ее приложил. Так что теперь вытащил я статью из папки и говорю:

– Ищите эти места. А если не найдете, я при всей парторганизации скажу, что вы лгунья.

Она покраснела, взяла статью и говорит:

– Это другой текст, вы подменили.

Я даже рассмеялся – на полях были какие-то банальные замечания и глубокомысленные вопросы, начертанные рукой секретаря парторганизации провинции. Обращаюсь к нему:

– Иван Иванович, удостоверьте, пожалуйста, что это тот самый текст, что вы просили меня написать. Учтите, что речь идет об очень серьезной клевете политического характера.

Он взял, посмотрел, делать нечего.

– Да, это тот самый текст.

Теперь я смог торжественно заявить:

– Вы, Марья Ивановна, уже пожилая женщина, а врите самым наглým и неприличным образом. Стыдно.

Я тут, конечно, допустил элемент садизма, но посчитал, что она того заслужила. Это была молодящаяся женщина, ходила в мужской рубашке навыпуск, плясала на всех молодежных вечеринках. Что ее называли врунëй, она перенесла бы легко – но пожилой женщиной! Вся прямо сникла, даже на момент жалко ее стало.

На защиту партийной чести выскочил начальник. «Как вы разговариваете... вы грубиян... вы и сейчас ничего не поняли...» Но эффект, конечно, уже не тот. Стали зачитывать характеристику. Три вещи мне туда вписали: «неправильная политическая ориентация», «неправильное личное поведение» и «несамокритичность». Попросил я объяснить все эти понятия на доступном языке, но на это махнули рукой. Стали голосовать. Бедные члены партии, которые так сильно мне симпатизировали, голосовали чуть ли не с рыданиями (это я о женщинах). Мне еще потом пришлось их утешать, мол, какие пустяки. Один парень с медицинского факультета, который «не врубился», воздержался.

Поскольку было видно, что эти властные болваны сожгли все мосты и не отцепятся, пришлось действовать. Для начала я не стал ездить со своими соотечественниками на автобусе, который отвозил нас в университет и домой. Шофер потешался – догонит меня, остановит автобус, откроет дверцу, потом тихонько едет рядом. Все в автобусе сидят злые, молчат.

Созвали на собрание в консульстве всех наших специалистов из провинции, приехало начальство из Гаваны. Требуют у меня объяснить – как это так, бойкот всему коллективу, виданное ли дело. Я прижал руки к груди, дрогнувшим голосом прошу: «Не спрашивайте меня об этом, тяжело говорить. Но, конечно, если собрание проголосует, чтобы я сказал, то подчинюсь. Но лучше не надо». Жизнь за границей у многих скучная, любое развлечение манит. Все дружно проголосовали: говори, мол, мерзавец, со всеми подробностями. Я взволнованно:

– Бойкот коллективу – об этом я и помыслить не мог. Я коллектив люблю. Но есть два недостойных человека, – я уставил на них палец, – начальник группы и парторг. С ними никак не могу в автобусе ездить, это презренные люди. Пусть они ходят пешком, а я с удовольствием буду ездить с моими товарищами – советскими специалистами.

Народ был очень доволен спектаклем. Начальство из Гаваны фарисейски спрашивает:

– А вот еще говорят, что вы несамокритичны. Как же так, товарищ Кара-Мурза?

– Каюсь, было такое дело, но мне вовремя указали. Теперь я хочу при всех подвергнуть себя самокритике.

И я от души повеселился, приятно вспомнить. Собрание хохотало. Под конец и я едва не расхохотался, можно было не стесняться – остального все равно было поправить. Назавтра приходит ко мне в лабораторию наш переводчик – велят мне явиться опять на какой-то синклит, в узком кругу. Прихожу, мне говорят: «Сейчас мы вам зачитаем письмо, которое направляем в Москву в ваш институт». Кто-то, видно, шибко умный придумал такую страш-

ную кару. Все встали, будто смертный приговор зачитывают. Трагическим голосом зачитали какую-то глупейшую бумагу. Я про себя рассмеялся – представил, как эта дичь приходит в наш институт. Потом встречаю переводчика, говорю: «Поди, скажи начальнику и парторгу, пусть придут ко мне завтра в 9.30 в мою лабораторию, я им зачитаю письма, которые направляю в их институты». Бедняга совсем приуныл – что же такое происходит.

Много за оставшееся время они еще глупостей придумали. Например, получили мой отчет о работе, там список моих публикаций – в соавторстве с кубинцами. Что-то около 17 штук методических работ. Требуют, в присутствии председателя профкома, представить справку, какова доля моего личного участия. Мол, примазался я к бессловесным соавторам. Думали, наверное, что я впаду в истерику от их оскорбительных намеков. Я сделал официальную справку, несу им нарочно вторую копию. В такой-то работе моя доля 17,32 %, в другой 13,04 % и т. д. В истерику как раз впал начальник:

- Как вы могли с такой точностью подсчитать долю участия?
- Трудно было, но постарался. А в каком месте вы видите ошибку?
- Вы занимаетесь профанацией, и мы вам это еще добавим в характеристику.

Прямо как дети, а ведь профессора. Возможно, неплохие специалисты. Наконец, заключительное собрание у консула, утверждение характеристики. Там уж мне слова не давали, обиженные начальники оттянулись со вкусом. Консул, который в Сантьяго от скуки помирал, был очень доволен. Напоследок говорит:

– Вот видите, как вас оценивает коллектив. Да-а, товарищ Кара-Мурза... У нас есть сведения, что вы должны были ехать на работу в Париж, в ЮНЕСКО. Вынужден вас огорчить. С такой характеристикой за границу вам больше ездить не придется. Разве только во Вьетнам.

Тут уж я смог патетически ответить:

– Поехать во Вьетнам – высокая честь для каждого советского человека. А вы, Павел Сергеевич, похоже, считаете это наказанием. Как это понимать?

Консул даже крикнул от удовольствия – мол, как чешет, стервец. Так что с ним мы расстались друзьями. А насчет Парижа был такой мелкий случай, который я тут же забыл. Как-то наш преподаватель-металлист пристыдил меня за то, что я не знаю, какими ресурсами цветных металлов располагает СССР, – я сказал, что хорошо бы нам делать такой ширпотреб, как американцы. Я зашел в университетскую библиотеку и взял большой том международной статистики – ликвидировать свою безграмотность. В автобусе меня кто-то спросил, что это я, химик, мировой статистикой увлекся. Что-то надо ответить, и я говорю: «А разве вы не знаете? Я же отсюда еду в Париж, буду в ЮНЕСКО работать». Кажется, ясно, что хохма. Оказывается, приняли всерьез и запомнили. Настроение было прекрасное.

Уехав из Сантьяго, я надолго застрял в Гаване – мне в Москве не дали обратного билета. Как-то, гуляя по Гаване, я проходил мимо советского посольства и подумал: а не зайти ли мне поговорить о моей характеристике? Зашел к секретарю парторганизации «всея Кубы». Это была важная фигура, что-то вроде «парторга ЦК», какие бывали в 1930-е годы. Встретил меня спокойный и умный человек. Дело мое он знал – «с той стороны», – попросил изложить мою версию. Я изложил. Про мои технические предложения кубинцам он тоже какие-то сигналы имел, но сразу сказал, что это глупость, об этом и не говорили. Прочитал характеристику. Спросил, что имелось в виду под «неправильной политической ориентацией». Ничего не имелось, просто штамп. Он это тут же вычеркнул, как и «несамокритичность». Поймите, говорит, что трудно людям за границей жить, стресс, вот и создают проблемы на ровном месте. Но «неправильное личное поведение» – это, говорит, правильно сказано. Вы молодой человек, а полезли в бутылку, стали оскорблять людей гораздо старше вас. Это вам упрек разумный. Что ж, я не мог не согласиться.

Кроме того, мы с ним поговорили о том, как следовало бы улучшить организацию научной помощи Кубе. Через год он был в Москве, нашел меня, и мы с ним снова на эту тему

долго говорили. Задача нам была ясна, и средства для нее были, но многое упиралось в систему управления внутри СССР, а это менялось медленно. Но, конечно, менялось, и в лучшую сторону – да потом все покатило не туда.

Вся эта история ясно показала, что нечего человеку трястись от страха перед такой системой. Вовсе она уже была не всеильна, – надо только иметь крепкий тыл – не делать самому гадостей, которыми тебя можно шантажировать, и не ожидать каких-то добавочных благ. Это искусственно созданный страх. Тоталитаризм отошел в историю – независимо от воли начальников, они вовсе не всеильны.

Конечно, те начальники на Кубе, которые на время из обычных преподавателей вдруг превратились во власть, тогда помытарили меня, были безжалостны – до определенного предела. В этой их жестокости было что-то детское. Бывает такой возраст, когда ребенок уже может стукнуть тебя по голове молотком, у него уже есть сила, но нет понимания. Глядя на них и даже отвечая им жестокостью, я не только не испытывал ненависти или хотя бы неприязни к советской системе, это мне показалось бы верхом идиотизма, но у меня не было ненависти и к этим людям. В них было почвенное, очень близкое, «скифское» хамство. Оно должно выходить из человека по капле, и оно выходило. Я бы сказал, выходило в нашем народе очень быстро – по историческим меркам. Есть у меня такое чувство, которое я не берусь обосновать, что насильственное «изгнание» этого скифского хамства из западного человека породило нечто худшее, куда более страшное. Хотя, может быть, и удобное.

К тому же я смутно чувствовал, хотя и не давал хода этой мысли, что *по большому счету* я в том конфликте был не прав. Именно по большому счету – ведь когда тебя пытаются стереть в порошок, тебе не до большого счета, надо решать срочную и жизненно важную проблему выживания. Но потом полезно рассудить и по большому счету. Получается такая картина.

То, что начальство обозлилось на меня гораздо сильнее, чем на того, за кого я заступился, понятно. У того вина была частная и ограниченная, а я поставил под сомнение само их право судить да рядить, а также те процедуры, которые они считали справедливыми и уместными. То, что я в этом нашем принципиальном столкновении не только не пошел на попятную, но еще и проявил увертливость, сделало меня в их глазах опасным смутьяном, которого обязательно надо было усмирить.

Вот они хотели немного проучить человека, тяжелого в общении, – он мучил студентов «ленинским определением материи», донимал своих земляков занудливыми и мизантропическими комментариями. Они только хотели привести его в чувство, заставить уважать других в трудных условиях заграницы. Я по сути против этого и не возражал – но прицепился к их *методу*. И тут по большому счету они были мудрее и гуманнее меня.

Нас загнала в тяжелый конфликт недоговоренность, отсутствие навыка уклончивого диалога. Парторг, если бы умел формулировать ускользающие вещи, которые он интуитивно понимал, мог бы сказать мне примерно следующее: «Наше наказание было бы ритуальным и даже абсурдным, это всем было понятно, но для него оно стало бы предупреждением. Он бы смекнул, что все мы чем-то недовольны, но наказание не было бы для него разрушительным. Ах, он предложил кубинцам неактуальные темы! Придя домой, он сказал бы жене: эти идиоты ни бельмеса в химии не смыслят.

А теперь представь, что мы обвинили его именно в том, в чем он действительно виноват: ты, мол, страшный зануда и пессимист, с тобой рядом находиться людям невозможно. Каково было бы ему и его семье? А ведь это именно то, чего ты от нас требовал с твоей глупой выходкой на партсобрании».

Но парторг формулировать не умел, да и стеснялся. А я, перейдя грань, уже не мог остановиться.

Личные сюжеты: неявные угрозы

Вот короткий эпизод. В 1958 г. из МГУ на целину поехали согласные, хотя и не добровольцы (около 50 % курса). Но раз не добровольцы, возникли новые проблемы. В 1957 г. мы без всяких собраний договорились заработанные деньги разделить поровну. Теперь пришлось устроить собрания факультетов и курсов. Как ни странно, возникли острые дебаты, чуть не до рукоприкладства. Зазвучали слова «уравниловка», «материальное стимулирование». Громче всех шумели прогрессивные москвичи из теоретиков.

Я был бригадиром отряда химиков, у нас было 62 человека, и мнение у нас было едино. Некому у нас за каждым ходить и измерять его работу, здравый смысл взял верх, и собрание решило делить деньги поровну в каждой бригаде. А физики, как и в прошлом году, вели индивидуальный учет. Это странно, потому что этот учет – всего лишь ритуал. Все равно я назначил, кому надо, в форме *премии*. Зато все лето у всех было спокойно на душе, и все старались по мере сил. Деньги вышли немалые, зарплата с премией – полугодовая стипендия. И не задумались, что отряд физиков решил организовать себя по-другому.

Результат этой разницы в подходах позже проявился более четко: до 1987 года уравнительное жизнеустройство стояло на советском хозяйстве – а с 1987 г. новая система экономики резко сократила доли трудовых доходов и положила начало быстрой дифференциации зарплаты работников. Так началось глубокое расслоение населения по доходам.

Помню вечерние дебаты в лаборатории (примерно в 1965 г.). Сейчас удивляешься, как все совпало: тот, кто проклинал уравниловку и мечтал о безработице (разумеется, для рабочих – «очень уж они обленились»), в то же время ненавидел «спившуюся часть народа». Он, мол, принципиально не оттащил бы пьяного из сугроба в подъезд согреться – пусть подышает, нация будет здоровее. И доходили до фанатизма. Кто же, говорю, у нас не напивался – ведь эдак треть перемерзнет. Пусть перемерзнет! Так ведь и твой сын может попасть в такое положение – вспомни себя студентом. Пусть и мой сын замерзнет! Это уже и есть «новое мышление». Здесь и происходит главное столкновение...

Сколько же благ распределялось у нас через «уравниловку»? На уравнительной основе давались минимальные условия для достойного существования и развития человека – а дальше все зависело от него самого. Он получал на уравнительной и в большинстве случаев бесплатной основе жилье, образование, медицинское обслуживание. С большой долей уравнительности человек получал также скромную пищу, транспорт, связь, книги и прочие блага культуры. Здесь уравнительный механизм действовал через низкие цены на эти жизненные блага. Никакой избыточной уравниловки в потреблении не было, все держалось на пределе.

Потом интеллеktуал А. Бовин написал в 1988 г.: «Мы так натерпелись от уравниловки, от фактического поощрения лентяев и бракоделов, что хуже того, что было, уже ничего не будет, не может быть».

А в 1961 г. моим соседом по коммунальной квартире был шофер-дальнерейсовик. Сильный и дремучий, прямо зверь. Этот человек отличался тем, что подолгу задумывался над отвлеченными проблемами. Одной из них была *мера труда*. Он приходил ко мне и начинал пытаться: почему я, окончив МГУ, работая с утра до ночи в лаборатории, получал 105 руб. в месяц, а он, тупой неуч и пьяница, почти 400 руб.

Он говорил: «Здесь что-то не так. Будет беда». Я не соглашался, указывая, что шоферов не хватает, а в МГУ конкурс 18 человек на место. И мы с ним пытались этот клубок распутать, перечисляли все тяготы и награды его и моей работы, искали денежную меру. Оказалось, дело это очень сложное. Он рассуждал не так, как народ, – и потому заставил и меня думать. Он считал, что многие хорошие работники обижаются из-за уравниловки. Значит, часть трудящихся (в большинстве молодых) пошла по другому пути. Но именно это мы и не поняли!

Помню случай, о котором иногда рассказываю в лекциях о русской культуре, – и на Западе верят с трудом. А я его не забуду. Когда учился в МГУ, прирабатывал по ночам в автобусном парке – за студентами там было несколько рабочих мест, и мы по очереди работали «баллонщиками». Дремлешь на куче дырявых камер, а придет бригадир, рывкнет: «Номер такой-то, разуть левую заднюю», – и бредешь с домкратом, просыпаясь на ходу. Там же, в теплой караулке сидели штатные рабочие, вулканизировали резину. Нас недолюбливали. Всю ночь играли в домино, черные, как черти.

Однажды, только я разоспался, зашел начальник смены и заорал на меня: «Встать! Спать в рабочее время запрещено!» Я скандалов не люблю, сел. Мой напарник, студент-философ, который читал сидя, закрыл книгу и лег. Делать нечего, лег и я. Начальник вышел из себя: «Отправляйтесь домой и можете больше не приходиться!» И вдруг те, за столом, которые ни разу с нами не обмолвились ни словом, оставили домино, поднялись, подошли к нам и улеглись рядом на кучу резины. Молча. Начальник поперхнулся и выскочил. Они так же молча встали и вернулись к домино. Им не надо было ни сговариваться, ни обдумывать – у них было *подсознание*. С ними Россия пропасть не могла.

А при Гайдаре (1992 г.) Президиум РАН принял решение: ради перехода к рынку *уволить* в институтах половину сотрудников и *удвоить зарплату оставшимся*. Это решение надо было утвердить в Отделениях РАН. Случайно я попал на заседание бюро Отделения философии и права. Среди синклита – бывшие члены Политбюро ЦК КПСС, два бывших главных редактора «Правды», а уж бывших членов ЦК КПСС не счесть.

Смотрю, единогласно (!) утверждают постановление, которое шокировало бы ученых даже в период дикого капитализма. Что же это, думаю, творится, хороши же у нас были вожди-коммунисты. Удалось взять слово, говорю великим философам и правовикам: «Вы приняли историческое решение. За тысячу лет в России не позволялось спасаться, выкидывая из лодки половину товарищей, всегда искали способ пережить беду сообща». Председатель, академик Б. Н. Топорнин, и говорит: «Что же вы нам, Сергей Георгиевич, раньше не сказали – смотрите, какую мы гадость утвердили». И так расстроился, что если бы не субординация, я бы его расцеловал – редко увидишь такую искренность. Он, на той волне неолиберализма, даже и не заглянул глубоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.